С. Рѣпнинъ.

Сказка о любви прекрасной королевы и вѣрнаго принца.

иллюстрацiи
Егора Нарбута.

Петроградъ
1916

С. Репнинъ.

Сказка о любви прекрасной королевы и вѣрнаго принца.

Иллюстраціи
Егора Нарбута.

Петроградъ
1916

Т-во Р. ГОЛИКЕ и А. ВИЛЬБОРГЪ
Петроградъ, Звенигородская, 11

Издательство „БАШНЯ“

Въ водоворотѣ суеты,
Какъ въ руказахъ кипящей лавы,
Сгораютъ хрупкіе цвѣты,
Ьхвдивютъ искры прасоты —
Мновенья чуткихъ грезъ и славы.

И жиѣ уносится, какъ сонъ;
Но остаются сна видѣнья.
Они живятъ воображенье.
Ихъ плодѣ — тому, квмъ зарожденъ
Священный ключъ одушевленья.

С. Р.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ВЪ давно минувшія времена въ нѣкоторомъ царствѣ жилъ былъ принцъ. Еще 27 лѣтъ не исполнилось ему, а уже 8 лѣтъ онъ правилъ народомъ своимъ, и много славныхъ дѣлъ совершилъ онъ. Военачальникъ и защитникъ родной земли принцъ во главѣ войска и рыцарей своихъ отражалъ нападенія дикихъ народовъ, приходившихъ съ Востока, воевалъ съ сосѣдними племенами, принимая ихъ подъ свою руку, и, переплывая подъ парусами синее море, бился съ лихими наѣздниками южной страны, у которыхъ кожа отъ жаркаго солнца была красна, какъ мѣдь, волосы — жестки, какъ стебли травъ. Побѣдителемъ выходилъ принцъ изъ кровавыхъ сраженій и ни разу не склонилъ главы своей, требуя пощады, ибо глазъ орла имѣлъ онъ, руку желѣзную, и сердце льва билось въ груди его. Славенъ былъ принцъ въ ратныхъ подвигахъ и возвеличилъ побѣдами народъ свой. Но не только въ сѣдлѣ боевого коня, но и въ креслѣ судіи достойно и съ честью сидѣлъ молодой принцъ. Когда стихали громы завершенной войны, и мечъ надежно покоился въ ножнахъ, въ дѣла мира и правосудія углублялся принцъ. И стекались къ нему обиженные старики и дѣти, оскорбленныя женщины и обманутые въ простотѣ сердца воины и земледѣльцы, и для обиженныхъ онъ умѣлъ найти утѣшеніе, а для злыхъ людей — кару суровую. Но не жестокъ былъ принцъ, и ни разу чаши вѣсовъ не скривились въ рукахъ его; острымъ взоромъ смотрѣлъ онъ на человѣка, совершившаго зло, и иногда освобождалъ отъ кары его, требуя подвига жизни и сознанія содѣяннаго, и не ошибался въ ожиданіяхъ своихъ, ибо умѣлъ прозрѣвать глубину сердца человѣческаго.

И, какъ правитель, проявилъ себя принцъ мудрымъ и достойнымъ воина и судіи, сочетавшихся въ немъ.

Когда же кончались заботы принца по устроенію народа, призывалъ онъ друзей своихъ и съ ними развлекался музыкой, пѣніемъ и стихами, ибо любилъ онъ и нѣжные звуки арфы, и удалъ молодого голоса, и сказки поэта, такія далекія отъ земли, такія близкія сердцу. А когда небо покрывалось звѣздами,

и ночныя свѣтила водили по небу свой хороводъ, принцъ запирался со звѣздочетами въ башнѣ и тамъ слѣдилъ движеніе небесныхъ міровъ. Такъ, прикрѣпленный тѣломъ къ землѣ, свои мысли и взоры онъ устремлялъ къ небу.

И возлюбилъ народъ принца своего, и слава о немъ прокатилась далеко по землѣ.

Гербъ былъ у принца: на синемъ полѣ орелъ, оплетенный змѣею,— символъ власти, сдерживаемой мудростью, и, казалось, нельзя было измыслить лучшаго олицетворенія душевныхъ свойствъ принца, ибо воистину это былъ духомъ орелъ съ мудростію змія. Но одно печалило подданныхъ его: уже третій десятокъ истекалъ принцу, а онъ все еще не нашелъ себѣ спутницы жизни. Ни гордыя принцессы и княжны, ни стройныя и смѣлыя дочери рыцарей, ни дерзкія красавицы, доступной всѣмъ красоты, не умѣли покорить сердце его. Про принцессъ отзывался онъ, что онѣ говорятъ не живою рѣчью сердца, а мертвымъ языкомъ заводныхъ куколъ, и что мысли ихъ стерты, какъ подковы муловъ, таскающихъ грузы; дочерей рыцарей и воиновъ мотыльками называлъ онъ: такъ же непостоянны онѣ и такъ же быстро теряютъ краски юности, единственное свое сокровище. А про красавицъ разгульныхъ пировъ такъ говорилъ онъ: «Я не пью вина изъ кубка, къ которому прикасались сотни людей». Былъ лишь разъ въ ранней молодости принца случай, когда горячо и пылко забилось его дремавшее дотолѣ сердце: полюбилъ онъ дочь скромнаго оруженосца, чистую сердцемъ и свѣтлую разумомъ дѣвушку, съ глубокими глазами темной лазури. Прекрасны были эти глаза яркіе, какъ звѣзды; когда къ небесамъ поднимались они, казалось, синіе лучи посылаютъ они небу, и сапфирное небо отражается въ нихъ. И съ признательной нѣжностью заглянули эти глаза въ душу принца и вызвали въ ней отвѣтную радость. И счастье полной любви ждало ихъ, когда черная язва, пришедшая съ Востока, начала косить беззащитныхъ противъ нея людей и унесла въ могилу стройную дочь оруженосца. Померкло солнце для принца, и отошелъ онъ съ того дня отъ женщинъ и не упивался чарами ихъ. Но горячо текла кровь въ жилахъ принца, крѣпко было молодое тѣло его и жаждало ласкъ и поцѣлуевъ. Въ поздніе часы рѣдкихъ пировъ, когда вино туманило его голову и горячило кровь, онъ поддавался соблазну безудержныхъ женщинъ и заключалъ ихъ въ свои объятія. Мрачно и угрюмо проводилъ онъ слѣдующій день и на вопросы друзей своихъ съ тоскою отвѣчалъ: «Мракъ осенней ночи въ душѣ у меня». И, обнажая правую руку свою, на которой былъ выженъ его гербъ, съ горечью добавлялъ: «Гдѣ же была мудрость моя и власть надъ собою, что позволилъ увлечь себя хмѣлю крови моей»?

Таковъ былъ принцъ.

А рядомъ съ владѣніями его правила страною королева; въ борьбѣ съ невѣрными погибъ ея супругъ, оставивъ двадцатилѣтнюю вдову правительницей королевства. И начала королева править страною своей и правила ею съ честью. Острый умъ имѣла она и тонко различала людей: знающихъ и мудрыхъ мужей поставила она во главѣ правленія, не взирая на низость рожденія ихъ, и созвала совѣтъ старѣйшинъ по 20 отъ каждаго званія, чтобы нужды и чаянія всѣхъ объявлялись и судились всенародно, чтобы голодъ и нужда не забивались въ подземелье, куя тамъ мечъ острой злобы, закаленный болью неотмщенныхъ обидъ и взлелѣянный жаждою мести. И къ художествамъ питала влеченіе королева и даже сама соперничала съ поэтами въ искусствѣ стихосложенія. Но имѣла королева въ ожерельѣ дѣлъ своихъ самоцвѣтный камень яркій и блистающій пуще другихъ. Лучшій цвѣтъ женской души — проникновенное сердце, чуткое къ скорби и щедрое въ милосердіи, имѣла она. Она умѣла подойти къ замученному горемъ сердцу человѣка, смягчить и обогрѣть его своими нѣжными руками. Не забыты ею были ни бездомные старцы, ни покинутыя сироты, ни забитые нуждою нищіе и калѣки. Обо всѣхъ успѣвало позаботиться сердце ея, и всѣмъ были даны пріютъ и пристанище.

И велика была любовь народа къ правительницѣ своей, и слава о ней шла по всей землѣ.

Но одно омрачало любовь народа къ милосердной королевѣ его: слишкомъ женщина была она, много и многихъ она любила. Не щадила красоты своей и щедрой рукой растрачивала ее со всякимъ, кто умѣлъ зажечь сердце или плѣнить разумъ ея. Но и въ страсти она оставалась истинной королевой, ибо не знала богатаго и бѣднаго, знатнаго и простого, а слушала только голосъ своихъ желаній. Принцъ крови, закаленный въ бояхъ воинъ, мимоѣзжій купецъ и наемный солдатъ — всѣ принимались ею съ равной улыбкой, и всѣмъ по королевски расточала она ласки свои. Обычай былъ при дворѣ ея: если рядомъ съ собою за трапезой сажала она приглашеннаго и вручала ему дышащій тонкимъ ароматомъ цвѣтокъ магноліи, того дарила она любовію своей и три ночи ласкала его. А потомъ забывала его и ждала новой игры сердца. Блистала красой королева, только на бѣлой шеѣ была у нея мышка — небольшое пятно, поросшее бархатистыми темными волосками. Когда въ народѣ говорили о правительницѣ своей, то, расточая хвалы ей, съ грустной улыбкой добавляли:

«Прекрасна королева наша, но и у нея есть своя мышка».

Этими словами бросали намекъ на ея мгновенную измѣнчивость влеченій, которая въ чистой и мудрой душѣ ея была единственнымъ пятномъ.

И достигла слава о мудромъ принцѣ до слуха королевы и о свѣтлой королевѣ — до ушей принца. И загорѣлось любопытствомъ женское сердце королевы, и послала она гонцовъ къ принцу съ дарами и приглашеніемъ его на пиръ. Любезно принялъ принцъ ея посланцевъ, щедро вознаградилъ ихъ, пышные дары велѣлъ отвезти королевѣ, а отъ приглашенія отказался, ссылаясь на близость кровавой войны. Когда же друзья спросили его о причинѣ отказа, онъ отвѣчалъ имъ своей любимой поговоркой: «Мнѣ можетъ быть поднесено вино въ кубкѣ, къ которому прикасалось уже не мало устъ. Когда свѣтелъ мой разумъ, я не пью изъ такихъ кубковъ, опьянѣться же при королевѣ не пристало принцу». Не случилось встрѣчи королевы съ принцемъ, и горечью женскаго оскорбленнаго самолюбія омрачилось сердце королевы. Но судьба судила иначе, и пути ихъ, разошедшіеся по волѣ человѣка, скрестились волею рока.

Въ одинъ благоуханный лѣтній вечеръ, когда солнце клонилось къ закату, и въ послѣднихъ пурпурныхъ лучахъ его вились и роились стаи лѣсныхъ мошекъ, принцъ въ простой одеждѣ охотника съ двумя доѣзжачими ѣхалъ по лѣсу, направляясь съ охоты къ своему замку. Съ другой же стороны лѣса, возвращаясь съ созерцанія рыцарскаго турнира, ѣхала королева. Отпустивъ свиту, въ сопровожденіи лишь трехъ тѣлохранителей, въ одеждѣ всадника двигалась она мелкой рысью на бѣломъ конѣ. И на перекресткѣ двухъ дорогъ

впервые столкнулись королева и принцъ, такіе близкіе, такіе дальніе правители двухъ народовъ. Конь королевы, испуганный вылетѣвшими изъ-за кустовъ всадниками, навострилъ уши, раздулъ ноздри и, поведя боязливымъ окомъ, метнулся въ сторону и сталъ на дыбы, готовый ринуться вскачь. И, прежде чѣмъ королева успѣла натянуть поводья, принцъ былъ на землѣ возлѣ нея и желѣзною рукою держалъ коня подъ уздцы. Но отъ внезапнаго скачка не выдержали ремни, сдерживавшіе сѣдло королевы, и надо было сойти съ коня, чтобы исправить сѣдло. И принцъ протянулъ руку свою и принялъ въ нее тонкую руку королевы, и легче птицы соскочила королева съ сѣдла на землю.

Такъ встрѣтились при свѣтѣ закатныхъ лучей солнца на перекресткѣ двухъ дорогъ дѣвственнаго лѣса принцъ и королева, славные правители земель, и при встрѣчѣ они не узнали другъ друга.

«Смѣлый всадникъ», сказала королева: «чѣмъ мнѣ благодарить тебя за ловкость и отвагу, которымъ позавидовалъ бы любой воинъ? Отъ смерти ты спасъ меня или, хуже того, отъ потери на вѣкъ моей красоты. Выносливъ мой конь, но пугливъ и въ испугѣ своемъ онъ мчитъ въ безудержномъ стремленіи. Женская ли рука остановитъ его? Вѣтви деревъ исцарапали бы лицо мое, и иглы сосны искололи бы очи мои».

— Напрасны слова благодарности, — отвѣчалъ принцъ: — каждый исполнилъ бы то, что сдѣлалъ я. Не было здѣсь ни храбрости, ни ловкости; не надо и словъ восхваленія ихъ.

— «У всадника сердце воина, а рѣчь рыцаря», возразила королева. И въ ожиданіи, пока конюшіе исправятъ сѣдло, принцъ и королева укрылись въ шатеръ изъ листьевъ и вѣтвей, покинутый проходившими цыганами и еще не разрушенный вѣтромъ. И тамъ полились рѣчи, одна живѣе другой, проникнутыя умомъ и добродушной шуткой. И казалось, что въ шатрѣ не только что встрѣтившіеся путники, но люди, проведшіе вмѣстѣ розовое дѣтство, привыкшіе мысли ловить на-лету и знающіе напередъ, что скажетъ собесѣдникъ. И, не зная одинъ другого, они и не хотѣли узнавать этого, такъ чудесна была эта встрѣча, такъ оживленъ разговоръ.

Уже давно были скрѣплены ремни и засѣдланы кони, уже поблекли на закатѣ багряныя полосы свѣта, а принцъ съ королевой и не помышляли объ отъѣздѣ.

«Прекрасна наша владычица»... сказалъ королевскій конюшій.

— И измѣнчива, какъ весенній вѣтеръ, — съ грустью перебилъ его другой. А спутники принца были веселы: уже давно не видѣли они у своего господина такихъ блистающихъ глазъ, не слышали такой оживленной рѣчи.

А ночь, между тѣмъ, пышная, страстная ночь юга разливала свое очарованіе. Вѣковые кипарисы недвижные и сосредоточенные, склонившись вершинами,

точно разсказывали другъ другу грозныя легенды лѣса, нѣмыми свидѣтелями которыхъ они были. Чутъ шуршали истомленные дневнымъ зноемъ листья дерсвьевъ, нашептывая слова любви сладкія и безсвязныя, какъ звуки отдаленной пѣсни. Пряный ароматъ тянулся отъ лѣсныхъ травъ и цвѣтовъ, и кузнечики, перекликаясь тысячами голосовъ, наполняли веселымъ и суетливымъ стрекотаньемъ чутко дремлющую чащу лѣса. И надъ всей этой таинственной, погруженной въ грезы жизнью, ликъ полной луны струилъ свои серебристо-лазоревые лучи, обвивая въ голубыя нити и травы, и кусты, и деревья. Звала и манила эта знойная отъ страсти ночь и оплетала мысли волшебными чарами. И подъ сказку грезившаго лѣса развертывалась сказка прекрасной королевы и принца.

Сложилъ дорожные плащи принцъ и, посадивъ на нихъ королеву, сѣлъ у ногъ ея и смотрѣлъ на нее счастливыми глазами.

И о любви заговорила королева.

«Строенъ станъ у рыцаря, ибо не сомнѣваюсь, что съ рыцаремъ говорю я, благородно чело его и рѣчи его, какъ всплескъ волны. Но грустная задумчивость таится въ глубинѣ очей его. Развѣ нѣтъ у рыцаря плѣнившей сердце его дамы, чьи бы ласки и смѣхъ зажгли взоръ его безпечной радостью?»

И, склонивъ голову, такъ отвѣчалъ принцъ:

— Не встрѣчалъ я женщины, чьи слова любви обѣщали бъ навсегда, чье бы сердце могло зажечься не мимолетной вспышкой страсти, а ровнымъ пламенемъ любви.

«Но и яркій день среди ненастья такъ же свѣтелъ и прекрасенъ, какъ непрерывные дни безоблачнаго лѣта».

— Если проглянетъ солнце зимою, не выселяются въ поле изъ зимнихъ жилищъ и не достаютъ изъ хранилищъ лѣтнихъ одеждъ своихъ...

«Но упиваются и выглянувшимъ изъ-за тучъ солнцемъ, и синимъ небомъ, и свѣжестью воздуха».

— Пусть минуетъ ненастное время, наступитъ другое болѣе яркое и пѣвучее. Пусть во всемъ царитъ завершеніе. Не бываетъ войны безъ потерь, мира безъ бѣдствій и работы безъ замедленія. Но я хочу, чтобы война была побѣдоносна, миръ ненарушимъ, а работа приходила къ своему концу. Не надо мнѣ крохъ счастья, отблесковъ лучей и обрывковъ любви. Полной чашей изъ потока жизни питъ я хочу, или жаждой томиться я буду.

И такъ говорилъ дальше принцъ:

Сердце, миновенью услады не вѣрь.
Ложно, случайно миновенье:
Длинною цѣпью обидъ и потерь
Платишь за мигъ упоенья.

По небу ходятъ плеяды свѣтилъ,
Судьбы народовъ вершатся,
Это — работа таинственныхъ силъ.
Въ томъ кто дерзнетъ сомнѣваться?
Каждому свой предуказанъ чередъ,
Вѣрю, что жизнь не случайна:
Каждаго къ цѣли завѣтной ведетъ
Избраннымъ зримая тайна.
Въ спутанныхъ нитяхъ теряется нить
Правды, любви и привѣта.
Въ шумѣ хаоса умѣй уловить
Голосъ зовущаго Свѣта.
Если же чаянья ложны мои,
Если мгновенье — отрада,
Тотъ, кто умѣетъ, минуты лови,
Мнѣ же мгновеній не надо.

И возразила королева принцу:

«Дерзновеньемъ исполнены слова твои, многаго ты хочешь. Каждый идетъ къ звѣздѣ, что манитъ и зоветъ его. Но часто вначалѣ гибнутъ людскія стремленія, и меркнетъ свѣтъ, зовущей звѣзды, ибо властенъ человѣкъ, а судьба властнѣе, и никто не знаетъ участи своей.

Вотъ корабль по морю, накренясь, несется.
Вѣетъ свѣжій вѣтеръ въ бѣлыхъ парусахъ.
Буря налетѣла. Грохотъ раздается.
Миѣ — и судно гибнетъ въ яростныхъ волнахъ.
Будь изъ мудрыхъ мудрымъ — не уйдешь печали.
Для чего же замки строить на пескѣ?
Кто предугадаетъ и пойметъ вначалѣ,
Что густой завѣсой скрыто вдалекѣ?
Шествуй за звѣздою къ заповѣдной цѣли,
Но люби мгновенья брызнувшихъ лучей,
Какъ ихъ любятъ нѣжно, безпечально ели,
И живи безпечно, какъ течетъ ручей.
Далью достиженья ты не омрачайся,
Слишкомъ мало въ жизни злотканныхъ дней,
Такъ лови ихъ жадно! Миномъ опьяняйся!
И люби, и смѣйся, и забвенье пей»!..

— Не убѣдятъ меня слова твои, — сказалъ принцъ, улыбаясь и обвивая рукой станъ королевы, — мимолетный огонь можетъ скрыть мнѣ вѣрный свѣтъ, манящій меня. Какъ же отдамся я власти его?

«На несогласіе словъ моихъ указываешь ты, у тебя же дѣло расходится со словомъ твоимъ», смѣясь возразила королева: «только вѣчную любовь принимаешь ты, а вотъ, не зная меня, ты глядишь счастливыми глазами, и рука твоя уже обвиваетъ станъ мой».

И засмѣялся въ свой чередъ принцъ и привлекъ къ себѣ королеву.

Уже въ нѣжныхъ объятьяхъ принца оказалось гибкое тѣло ея, рѣчи смолкли, и уста были спаяны жаркимъ поцѣлуемъ; радость вспыхнувшей страсти ожидала ихъ. Словно для того, чтобы освѣтить грядущій союзъ любви, сквозь листву шатра пробился лучъ луны и задрожалъ невѣрными очертаньями по лицамъ королевы и принца. И въ это мгновенье обнажилось темное пятно на шеѣ королевы, и поднявшійся рукавъ обнаружилъ на рукѣ принца выжженный гербъ его — орла, оплетеннаго кольцами змѣя.

Острая мысль пронизала сознаніе обоихъ, и здѣсь они узнали другъ друга.

И свѣтлой сказкѣ наступилъ конецъ.

Торжествомъ побѣды и страсти освѣтилось лицо королевы, померкло и омрачилось лицо принца. И, поднявшись въ ростъ и отойдя къ выходу, такъ сказалъ принцъ:

«Лунная ночь и усталость ослабили разумъ мой. Мгла покрыла мысли мои. Я поступилъ съ королевой такъ, какъ не пристало принцу. Королева проститъ мнѣ эту вольность».

— Вольность уже прощена, но королева не проститъ принцу рѣшимости теперь покинуть ее.

— «Мигъ забвенья прошелъ».

— Онъ прошелъ слишкомъ рано.

— «Королева»,— сказалъ принцъ:—«разумъ и сердце, плѣненные тобой, къ тебѣ устремляли желанья мои. Лучезарный сонъ грезился мнѣ. О, если бы онъ продлился... Но вспыхнувшій пламень угасъ, и иной свѣтъ озаряетъ мой разумъ. И не должна ты гнѣваться на уходъ мой, ибо то, что я говорилъ тебѣ, могъ сказать только принцъ, а что осталось недосказаннымъ, любой латникъ доскажетъ тебѣ».

Поблѣднѣло лицо королевы и потемнѣли глаза ея.

— Ко мнѣ не смѣютъ подходить съ желаніями своими. Я беру, что хочу, и, когда хочу, бросаю. Свою волю исполняю я, тогда какъ принцы, утѣшаясь въ избахъ оруженосцевъ, такъ свыкаются съ ними, что королевскіе замки чужды имъ. Деревенская похлебка имъ по сердцу, а не царскій пиръ, жалкія лѣсныя травы — а не ароматныя розы, взращенныя въ грядахъ садовника.

«Права ты, королева. Милъ мнѣ лѣсной цвѣтокъ, овѣянный свѣжимъ вѣтромъ и омытый чистой росой, ибо я первый упиваюсь ароматомъ его. Милѣе онъ мнѣ пышныхъ городскихъ цвѣтовъ, которые, прежде чѣмъ украсятъ

собою блистающій пиръ, пройдутъ черезъ десятокъ рукъ, и пылъ улицъ покроетъ лепестки ихъ».

И, такъ сказавъ, вышелъ, и быстрый конь унесъ его со спутниками. Сѣла на коня и королева и вонзила шпоры коню и понеслась такъ, что вѣтеръ засвисталъ въ ушахъ ея. И, прибывъ въ замокъ, встрѣтила она молодого пажа, давно со стыдливою влюбленностью и томной грустью взиравшаго на нее. Красивъ и строенъ былъ пажъ, мужественно лицо его, но глаза его были тусклы, какъ окна покинутаго замка. Прошла королева въ залу, гдѣ ожидалъ ее ужинъ, пригласила пажа и посадила его рядомъ съ собою и подала ему цвѣтокъ магноліи. Краска залила щеки пажа, и счастье засвѣтилось въ глазахъ его. Королева же смѣялась и веселилась какъ никогда, и непрерывно сыпались ея шутки, и только опытный взоръ ея старыхъ царедворцевъ прозрѣвалъ въ этомъ веселіи исканіе забвенія. Когда же королева въ своей опочивальнѣ осталась наединѣ съ пажомъ, необузданнымъ ласкамъ отдалась она.

Уже небо порозовѣло, и пѣтухи своимъ крикомъ во второй разъ оглашали королевскій дворъ, а пажъ съ королевой все еще отдавались опьяняющей страсти. Но вотъ померкло лицо королевы и, отстраняясь отъ объятій пажа, припала она головой къ подушкѣ, и мысли ея отлетѣли вдаль. Но пажъ, обуреваемый неистощимой страстью, не уловилъ задумчивости королевы, ибо зрѣніемъ крота обладалъ онъ, и, вновь склонившись, припалъ къ устамъ ея губами. И, привставъ, съ силой оттолкнула его королева.

«Латникъ», вскричала она: «помни, кого цѣлуешь!» И, указавъ рукою на дверь, повелѣла ему выйти.

«Огню страсти не поборотъ огня досады, сжигающаго меня», прошептала она и, откинувшись къ изголовью, закусила губы до крови.

Принцъ же возвращался въ замокъ угрюмъ и мраченъ. Погруженный въ тяжелое раздумье сидѣлъ онъ за столомъ съ друзьями, не проронивъ ни слова и не прикасаясь къ ѣдѣ. Только по временамъ припадалъ онъ губами къ кубку съ крѣпкимъ заморскимъ виномъ. И друзья его, желая разсѣять его мысли, повелѣли притти поэту, чтобы тотъ созвучьями своими оживилъ сердце принца. И, когда пришелъ поэтъ, обратились друзья съ вопросомъ, желаетъ ли принцъ слушать его? И кивкомъ головы согласился принцъ, пусть-де читаетъ. Молодъ былъ поэтъ и стыдливъ, какъ дѣвушка. Дѣтская улыбка играла на губахъ его, и глаза его были чисты, какъ горный ручей. И, вставъ на возвышеніе, такъ началъ поэтъ:

Люди! Глядите: сегодня предъ вами
Полонъ безбрежною счастья стою.
Люди! Внимайте: сегодня предъ вами
Пѣсню о счастьѣ пою.

Злоба да смолкнетъ! Да вспыхнетъ прощенье!
Лучшими струнами сердца живу.
Нынѣ я видѣлъ мечты воплощенье,
Видѣлъ я сонъ на яву!...

«Лжешь!» Вскричалъ внезапно принцъ и такъ рѣзко повернулся, что кубокъ, задѣтый рукой его, упалъ на полъ, разливая вино.

«Ты лжешь, поэтъ», повторилъ онъ: «ты говоришь, что видѣлъ воплощеніе мечты своей? Ты юнъ и наивенъ! Ты не знаешь, что мечтать можно только о мечтѣ».

Но поэтъ не понялъ принца. Онъ не понялъ словъ его, ибо былъ молодъ и несвѣдущъ въ вещахъ.

Принцъ же всталъ изъ-за стола и, позвавъ звѣздочетовъ, удалился съ ними на башню.

ЧАСТЬ
ВТОРАЯ

ри года истекло съ того дня, когда такъ чудесно и радостно встрѣтились принцъ и королева, такъ нежданно и горестно разстались они. И многое за это время измѣнилось въ судьбѣ ихъ.

Серебряныя нити блеснули въ темныхъ кудряхъ принца, глубокая складка прорѣзала между бровями лобъ его, безрадостно и угрюмо смотрѣли глаза его. Печали и бѣдствія омрачили сердце принца.

На другое лѣто послѣ встрѣчи съ королевой, великой засухой была поражена страна его. Изсохли ручьи и обмелѣли горныя рѣки, поблекли листья деревьевъ, и земля отъ палящаго зноя покрылась твердой корой, изсѣченной глубокими трещинами. Безоблачно и жгуче было небо. И только въ положенный часъ поднималось съ Востока кровавое свѣтило, медленно и неуклонно совершало по небу отъ вѣка начертанный путь и такъ же въ положенный часъ въ дымномъ отъ зноя закатѣ медленно гасло оно. Какъ безжалостный стражъ, словно созерцало оно немигающимъ окомъ своимъ смерть и разрушеніе, царившія на землѣ. И увяли травы, сожжены были нивы, и жизнь въ долинахъ угасла. Широко народу раскрылъ свои житницы принцъ, но помощь была безсильна: слишкомъ ничтожны были запасы, слишкомъ остра нужда. Голодъ и нищета охватили владѣнія принца, и болѣзни, вѣрные спутники ихъ, широко разлились по странѣ.

Въ скорби пребывало сердце принца.

Едва миновалъ черный годъ, и едва оправились отъ испытанныхъ бѣдствій, новая печаль сторожила принца. Задумалъ онъ возвести ристалище, гдѣ бы рыцари и воины его могли упражняться въ бѣгѣ, и ѣздѣ, и метаніи копья, и въ примѣрныхъ турнирахъ. Стволы столѣтнихъ сосенъ и маренаго дуба, подвозимаго водою съ моря, шли на постройку ристалища. Лучшіе мастера страны трудились надъ возведеніемъ его. Работы приходили уже къ концу, когда въ одну мрачную грозовую ночь палъ огонь изъ темныхъ тучъ на ристалище, и охватило пламя его, и скоро багровое зарево залило черное небо. Когда сбѣжался народъ, горящія головни увидѣлъ онъ, груды пепла и угля. И погибъ безъ остатка долгій трудъ.

Новое строеніе собирался возводить принцъ, когда грозное извѣстіе повернуло въ сторону мысли его. Смѣлое и гордое племя, ютившееся въ горахъ и семь лѣтъ исправно платившее наложенную дань, спустилось съ горъ своихъ и принялось безпощадно предавать огню и мечу селенія, подвластныя принцу. И былъ посланъ противъ возставшихъ отрядъ, и черезъ недолгое время отъ гонца услышалъ принцъ, что отрядъ его разбитъ, а мятежники продвигаются вглубь страны. И собралъ своихъ рыцарей и воиновъ принцъ и во главѣ ихъ пошелъ на возставшихъ. И, придя подъ вечеръ къ вражеской рати, сталъ лагеремъ, чтобы на утро сразиться въ битвѣ. Безлунная ночь спустилась на землю и крупныя звѣзды зажглись въ небесахъ. Только ржаніе коней нарушало дремоту ночи. Свѣжъ и прозраченъ былъ воздухъ. Лѣто стояло вначалѣ.

Не было сна въ эту ночь у принца. У шатра своего пребывалъ онъ, погруженный въ глубокую думу объ измѣнчивой судьбѣ своей. Радостны и успѣшны были первые годы правленія. Каждое начинаніе завершалось достойно. Все улыбалось тогда..... Тѣ же помыслы и чувства правили волею принца, а жизнь выходила иная. Точно отвернуло отъ него счастье лицо свое, и путь, усыпанный цвѣтами, иглами терній покрыла судьба. И искалъ принцъ въ памяти послѣднихъ лѣтъ осколка счастья, мгновенья тепла и свѣта, чтобы согрѣли они радостью своею скорбную душу его, и, казалось, не находилъ утѣшенія.

И о встрѣчѣ съ королевою вспомнилъ принцъ, и обликъ ея всплылъ въ его памяти. Неизъяснимое очарованіе словъ и движеній королевы, легкая поступь и живость глубокихъ очей, мгновенно отражавшихъ теченіе мыслей ея, все это вмигъ предстало предъ взорами принца. И рѣчи, сказанныя королевой, ожили въ его памяти. И съ грустной улыбкой принцъ вспомнилъ, какъ въ ослѣпленномъ дерзновеніи мнилъ онъ широкимъ размахомъ братъ блага жизни; а нынѣ одинокій, усталый жадно роется онъ въ памяти своей, ища въ ней мгновенья просвѣта, онъ — съ презрѣніемъ отвергавшій сладость мгновенныхъ утѣхъ. И призналъ принцъ, что и одинокій лучъ, сиротливо заглянувшій въ темницу, можетъ исходить отъ солнца, что не всякая мимолетная радость должна нарушать вѣчныя стремленія человѣка. И увидѣлъ принцъ, что зерно истины было въ словахъ королевы. И далѣе другія слова ея вспомнилъ принцъ: «Властенъ человѣкъ, а судьба властнѣе, и никто не знаетъ участи своей».

И, оглядываясь на судьбу свою, вновь призналъ правоту ея словъ. Но, когда все остальное ожило въ памяти принца, стальнымъ блескомъ сверкнули глаза его, и непреклонная твердость стиснула губы его. И необъяснимой тайной оставалась для принца королева, такая мудрая, такая безразсудная, претворявшая свѣтлую радость любви въ забаву капризнаго любопытства.

«Кто не заблудится въ тайникахъ женскаго сердца»! сказалъ себѣ принцъ и призналъ въ душѣ своей, что встрѣча съ неразгаданной имъ королевой была яркимъ мгновеніемъ жизни его. Такъ до разсвѣта, не смыкая глазъ, оставался принцъ у шатра съ мыслями своими и отвлекся отъ нихъ лишь тогда, когда военачальники пришли къ нему за приказаніями.

А на утро завязался бой, и, прежде чѣмъ солнце поднялось къ полудню, врагъ былъ разбитъ на-голову. И принцъ во главѣ конницы своей пустился преслѣдовать враговъ, и быстро ряды конныхъ всадниковъ стали тѣснить отступавшихъ, смертнымъ боемъ или плѣномъ карая ихъ. Уже немного оставалось на полѣ вражескихъ отрядовъ способныхъ еще сопротивляться, когда принцъ, привлеченный видомъ раненаго горца, осадилъ коня и вперилъ въ раненаго взоръ свой. Распростертый въ пыли лежалъ воинъ, лицомъ обращенный къ небу. Правая рука, пораженная у заплечья ударомъ меча, едва держалась и, какъ чужая, вдолъ головы лежала она. Разсѣченное чрево зіяло кровавыми внутренностями, и на правой щекѣ горца алѣлъ глубокій рубецъ. Краска сошла съ лица воина, и смерть дыханіемъ своимъ уже касалась устъ его. Но огневой несокрушимой отвагой горѣли очи воина, и даже теперь, за мгновеніе до смерти онъ не сдавался, но уцѣлѣвшею лѣвой рукой пытался

дотянуться до меча, чтобы снизу вонзить его в приближавшагося к нему всадника. На этой нечеловеческой злобной отваге с изумлением остановил принц взор свой. И, поглощенный созерцанием, не заметил он, как вражескій латник, бежавшій вблизи, круто повернулся к нему и бросился с поднятым мечом. И, прежде чем принц отразил нападеніе, страшный удар меча поразил его в голову. Как скошенный пал он с коня и подоспевшими друзьями был поднят и в безпамятстве доставлен в замок.

Печаль охватила народ принца; горестная весть разнеслась окрест и дошла до слуха королевы. И при вести о жестокихъ страданіяхъ принца глубокою печалью исполнилось сердце ея. Вспомнила королева и день встречи с принцем, и ночь разставанья с ним, и все, что было после.

Сон бежал очей королевы в ту ночь, и мысли ея роились, как пчелы. Чудились ей полные чистой и доверчивой веры глаза принца, слышались странныя речи его, чувствовались ласки, такія нежныя и плѣнительныя. Манил и приковывал ее этот чарующій обликъ. И даже самый уходъ покорял сердце ея, ибо знала она, что сотни мужей поступили-бы иначе. И до поздняго утра размышляла королева о принцѣ, исполненномъ высокаго благородства и нераздѣленныхъ ею стремленій. И поняла королева, что, отвѣдавъ сладкаго, не захочешь горькаго, и что въ сердцѣ ея навѣкъ запечатлѣлся образъ гордаго властелина; мимолетныя услады не наполнятъ радостью сердца ея, и жгучія ласки пажей не замѣнятъ ей привѣтливаго слова его. И вызвала королева бывшую при ней даму и повелѣла передать завѣдывающему стражей, что пажъ назначается ею начальникомъ крѣпости, бывшей въ двухъ дняхъ разстоянія отъ пребыванія ея. И, когда вышла королева изъ покоевъ своихъ, пажа уже не было въ замкѣ. Съ изумленіемъ приняли эту вѣсть ея придворные, а черезъ немного дней вновь испытать удивленіе пришлось имъ.

Въ странѣ королевы жилъ уличный пѣвецъ. Всегда изодранный и всегда веселый ходилъ онъ по городамъ и селеніямъ, разсыпая шутки и распѣвая пѣсни свои, которыя слагалъ онъ быстро и съ легкостью. И любила королева послушать безпечныя пѣсни безпечнаго пѣвца. Пребывая однажды въ саду своемъ, услышала она голосъ его, доносившійся издалека. И по знаку королевы позвали приближенные уличнаго пѣвца, и тотъ предсталъ передъ правительницей. Густые русые волосы, незащищенные отъ солнца, ниспадали крутыми кольцами на загорѣлый лобъ его. Безпечность и лукавство сквозили въ глазахъ его. Пыльная рубаха грубаго холста облекала широкую грудь, и отстегнутый воротъ обнажалъ бронзовую кожу. А у босыхъ ногъ пѣвца одежда висѣла лохмотьями.

— Спой мнѣ пѣсню, — сказала королева: — что издали доносилась до меня. И пѣвецъ поклонился въ поясъ королевѣ и, придавъ лицу своему видъ

значительности и углубленія, словно проникался онъ словами пѣсни своей, съ ужимками началъ:

Слово я знаю, чтобъ женщинъ плѣнять;
Скромной учтивостью ихъ привлекаю,
Послѣ, въ ихъ мысли проникнувъ, какъ тать,
Я любопытствомъ сердца разжигаю.
Дальше дорога къ побѣдѣ проста:
Скорбно имъ душу свою изливаю,
Ревность задѣну, — и крѣпость взята,
Двери открыты къ желанному раю.
Такъ покоряется мнѣ красота!..
Слово я знаю!

И странно было слышать такія слова изъ устъ бездомнаго скитальца. И улыбнулась королева.

— Все истина въ твоей пѣснѣ, но не вся истина въ ней, — сказала она: — и ласка, и довѣрчивость, и возбужденіе ревности — все пути къ сердцу женщины. Но есть одинъ путь вѣрнѣе и надежнѣе прочихъ: благородство и яркость души — вотъ алмазъ, который привлекаетъ женское сердце. Испытавшая сіяніе его не прельстится мгновенной красою холоднаго блеска. Ты, изучившій женскую душу, — съ улыбкой добавила королева: — ты долженъ былъ познать правоту словъ моихъ.

И обмѣнялись взорами придворные королевы, ибо такихъ словъ не доводилось имъ слышать отъ правительницы своей, а уличный пѣвецъ, изобразивъ важность на лицѣ своемъ, отвѣчалъ:

«Королева страны меня, странствующаго пѣвца, даритъ бесѣдою своей. И милость ея велика потому, что прозрѣваетъ она алмазы моей души. Вотъ подтвержденіе справедливости словъ твоихъ».

И вновь улыбнулась королева и повелѣла за находчивый умъ наградить пѣвца золотомъ.

И измѣнилась съ того времени королева, и алмазное сердце, бывшее въ перстнѣ ея, словно засіяло пущей красотой.

Въ минуты непознанной грусти и призывныхъ грезъ, въ весеннія, шелестящія ласками, ночи или въ жуткіе зимніе вечера, когда за стѣнами замка безпріютный вѣтеръ плакалъ заунывными стонами, образъ далекаго принца неизмѣнно всплывалъ передъ нею и чаровалъ ее своею блеснувшей на мигъ красотой.

Отъ этой неотвязной думы о принцѣ не могла избавиться королева, оттого и опечалилось ея сердце при вѣсти о страданіяхъ его. И безразсудная мысль овладѣла умомъ королевы: пожелала она посѣтить принца и взглянуть на него

хотя на мгновенье. И солнечнымъ утромъ въ сопровожденіи тѣлохранителя прибыла она къ замку принца и, не открывая себя, потребовала доступа къ болящему. Но стража отказала пропустить ее. И тогда королева объявила себя, и, послѣ недолгаго совѣщанія, не осмѣлились стражи отказать въ ея просьбѣ. И прошла королева въ покои принца. Врачъ и два монаха неотступно находились при раненомъ. Просторный покой съ узкими окнами, обращенными къ лѣсу, былъ почти пустъ. Столъ съ цѣлебными снадобьями и двѣ скамьи стояли у стѣнъ, а въ углу покоя на высокомъ ложѣ лежалъ подъ легкою тканью принцъ. Очертанія обострившагося носа и раскрытыхъ изсохшихъ губъ четко рисовались на бѣлой стѣнѣ. Ввалившіяся щеки принца пылали жаромъ. Верхъ лба его и волосы были скрыты тяжелой повязкой. Какъ плети вдоль безжизненнаго тѣла были протянуты руки. Тяжело было дыханіе принца, и безсвязныя слова бредовыхъ мыслей вылетали изъ запекшихся устъ его. Крѣпкій запахъ цѣлебныхъ настоевъ и травъ стоялъ въ покоѣ, хотя окна въ лѣсъ были открыты.

И съ затаенной скорбью созерцала королева своего дерзкаго оскорбителя, воплощеніе своей свѣтлой мечты, и слезами обливалось сердце ея.

«Вотъ лежитъ онъ», думалось королевѣ, «распростертый и лишенный сознанія, безсильный подняться съ ложа своего. И угаснетъ сильный разумъ, такъ многаго дерзавшій, и перестанетъ биться сердце, такъ и непознавшее радости любви». И приблизилась королева къ ложу и коснулась устами пылавшаго лба принца. Слабое движеніе рукою сдѣлалъ принцъ, и съ устъ его вновь слетѣли сочетанія безсвязныхъ словъ. И подошедшій врачъ отстранилъ королеву отъ ложа.

Отъ врача узнала королева, что жизнь и смерть борятся между собою изъ за принца, и время укажетъ, кто побѣдитъ въ этой борьбѣ.

Врачъ и два монаха имѣли попеченіе о болящемъ, но чуткостью женскаго сердца постигла королева то, что не сумѣли понять ходившіе за нимъ; подняла она изголовье принца, ибо приливала кровь къ жаркой головѣ его, и повелѣла убрать изъ покоя удушливыя цѣлебныя средства и на окнахъ пустыя чаши велѣла наполнить цвѣтами, ибо не могла оставить принца безъ знака своего вниманія, хотя бы имъ и не сознаннаго.

И съ того дня стала посѣщать королева замокъ принца; вмѣстѣ съ врачомъ перевязывала она рану и нѣжную заботливость проявляла къ страждущему, и скоро услышала она отъ врача, что жизни принца не грозитъ опасность.

Однажды, когда по обычаю прибыла она къ замку, встрѣтилъ ее радостный врачъ и сказалъ:

— Королева, сознаніе вновь посѣтило разумъ принца. Три дня уже рѣчь его стала осмысленной. Спѣшимъ! Королева увидитъ, какъ быстро оживаетъ принцъ.

«Извѣстны ли принцу посѣщенія мои»? спросила королева.

— Не извѣстны, — отвѣчалъ врачъ: — съ тайнымъ умысломъ не говорилъ я о нихъ. Велика должна быть радость принца при нечаянной встрѣчѣ съ королевой.

«Королевскимъ запретомъ своимъ запрещаю тебѣ открывать принцу о пріѣздахъ моихъ. Отнынѣ ни словомъ, ни полусловомъ не долженъ ты упоминать обо мнѣ. Держи въ памяти слова мои и передай приказъ мой монахамъ и стражѣ».

И, покинувъ врача въ глубокомъ недоумѣніи, отбыла королева изъ замка, чтобы впредь уже никогда не посѣщать его.

А вечеромъ того дня такую рѣчь съ монахомъ повелъ принцъ:

— Монахъ!—сказалъ онъ: — отвѣчай мнѣ. Не было ли при мнѣ женщины, чья ласковая заботливость облегчала бы тяжкій недугъ мой?

«Не было такой женщины», отвѣчалъ монахъ: «Почему мысль о ней могла зародиться у принца»?

— Сквозь туманъ, облекавшій мой разумъ, словно видѣлъ я обликъ женщины, склонявшейся надо мною, словно чуялъ я ароматы, исходящіе отъ холеныхъ женскихъ косъ. Отвѣчай же, монахъ, не кривя душою, на вопросъ мой.

«Не было при тебѣ женщины», угрюмо повторилъ монахъ.

И, смолкнувъ на мгновенье, вновь обратился принцъ:

— Кто же имѣлъ попеченіе обо мнѣ и кто обмывалъ рану мою?

«Врачъ при помощи нашей», отвѣчалъ монахъ.

— А цвѣты, увядшіе нынѣ, красовались въ чашахъ также заботою врача и монаховъ?

И, смутившись, отвѣчалъ монахъ:

«Заботою врача были поставлены цвѣты».

— Коротка же заботливость его, ибо увяли цвѣты и не замѣнены другими. А гребень этотъ, запавшій за изголовье мое, врачу или монахамъ принадлежитъ онъ?

И здѣсь протянулъ принцъ монаху тонкой работы гребень изъ слоновой кости.

И вспомнилъ монахъ, какъ королева въ послѣднее посѣщеніе свое послѣ перевязки раны искала выпавшій изъ волосъ ея гребень и не могла найти его.

И не осмѣлился монахъ утаивать истину дальше и разсказалъ принцу все.

Съ проникновеннымъ вниманіемъ прослушалъ разсказъ принцъ и огнемъ жизни вспыхнули глаза его. И отъ друзей своихъ онъ узналъ, что обычай подношенія цвѣтка магноліи исчезъ при дворѣ королевы. И съ того дня быстро стали крѣпнуть силы принца. И, пребывая еще на ложѣ, началъ онъ вести

бесѣды съ правителями своими и входитъ въ дѣла народа своего. И еще на ложѣ прозрѣлъ онъ, что жизнь его преобразилась, точно внутреннимъ свѣтомъ озарилась она, точно высшею цѣлью были проникнуты каждая мысль и дѣло его. И съ чувствомъ довольства принялъ принцъ вѣсть, что возставшее племя покорено и исправно платитъ наложенную дань, и что друзьями его возводится новое ристалище, лучше прежняго.

А когда окрѣпли силы принца настолько, что могъ онъ на краткое время подниматься съ ложа своего, призвалъ онъ къ себѣ воина, искуснаго въ рѣчи и ловкаго въ обращеніи, и повелѣлъ ему немедля отправиться въ замокъ королевы и передать ей такія слова:

«Когда сознаніе возвратилось къ принцу, оповѣщенъ былъ онъ о милостивыхъ посѣщеніяхъ королевы, о всѣхъ заботахъ и попеченіяхъ ея. Свѣтлой благодарностью проникнуто сердце властителя и безсильны слова передать глубину ея. И согрѣвается сердце принца надеждою, что милость, проявленная къ нему королевою во дни скитанія во мракѣ мыслей его, будетъ оказана и нынѣ, когда свѣтъ сознанія разумъ его озаряетъ».

И прибылъ воинъ къ королевѣ и, принятый съ глазу на глазъ, передалъ безъ изъятія слова принца. Съ небрежнымъ безучастіемъ выслушала рѣчь королева и такой отвѣтъ дала воину:

«Передай властелину и принцу своему, что въ глубокомъ заблужденіи пребываетъ онъ. Заботы и попеченія о здравіи принца чужды были сердцу моему. Услугу однажды оказалъ мнѣ властелинъ твой, въ долгу оставалась я и сквитаться искала случая. И еще одно меня привело къ нему. Гордъ и непреклоненъ былъ принцъ. Вѣрной побѣды въ бою хотѣлъ онъ и твердой ненарушимости мира. Полетъ орла и мудрость змія плѣняли его. И поднялся онъ не выше ложа своего, и мудрости его хватило на сочетаніе словъ, бредомъ навѣянныхъ. И вотъ захотѣла я видѣть этого орла, спутаннаго въ сѣтяхъ, этого льва съ пронизавшею сердце его стрѣлою. Вотъ была цѣль посѣщеній моихъ. Передай слова эти принцу».

Съ робостью предсталъ воинъ предъ властелиномъ и не дерзалъ раскрыть уста свои и лишь по твердому слову его передалъ онъ отвѣтъ королевы.

И радостью вспыхнули глаза принца, ибо суровость словъ королевы была краше всякой учтивости; великое презрѣніе рѣчи ея могла породить только большая любовь.

И нарядилъ тогда принцъ караванъ и отправилъ дары королевѣ. Мягкіе ковры и ткани, привезенные съ Востока, самоцвѣтные камни, ароматныя жидкости и все, что можетъ тѣшить взоръ женщины, отправилъ онъ съ караваномъ. И въ ларцѣ краснаго дерева, съ искусно вдѣланнымъ въ верхнюю доску золотымъ узоромъ, препроводилъ онъ шахматы, любимую игру королевы.

Работой желтыхъ жителей далекаго Востока были шахматы эти — рѣзные изъ слоновой кости, и каждая фигура была плодомъ долготерпѣнія и отмѣннаго искусства. И, когда прибылъ караванъ съ дарами ко дворцу королевы, такъ распорядилась она: при посланцахъ принца повелѣла она сгрузить съ муловъ ящики и тюки и помѣстила ихъ въ хранилище устарѣлой утвари и, не раскрывая тюковъ, тамъ повелѣла оставить ихъ.

И, узнавъ повелѣніе это, рѣшилъ принцъ посѣтить королеву, ибо въ силахъ былъ уже твердо держаться въ сѣдлѣ. И, увѣдомивъ черезъ гонца королеву о пріѣздѣ своемъ, въ яркій солнечный день поздняго лѣта собрался онъ съ друзьями своими къ отъѣзду. И передъ выходомъ его изъ замка спустился съ башни своей звѣздочетъ, ветхій старецъ, съ циркулемъ и треугольникомъ въ рукахъ. Весь погруженный въ исчисленія хода свѣтилъ, мыслью въ небесахъ пребывалъ онъ и чуждъ былъ дѣяніямъ земнымъ. И, не зная объ отъѣздѣ принца, подошелъ къ нему съ предувѣдомленіемъ:

— Нынѣ ночью рѣдкое зрѣлище будетъ доступно взору людей: Марсъ приближается къ Венерѣ. Не поднимется ли принцъ на башню созерцать сближеніе планетъ?

И свѣтло взглянулъ принцъ на звѣздочета и, положивъ руку на плечо его, такъ отвѣчалъ:

«Не поднимусь я нынѣ на башню, ибо покидаю на время замокъ мой. Но сближеніе Марса съ Венерой, если точно свершится оно, увижу я и простымъ глазомъ».

И не понялъ звѣздочетъ этихъ словъ.

Принцъ же со спутниками спустился по лѣстницѣ замка и сѣлъ на коня своего, на которомъ въ битвѣ онъ пораженъ былъ, и подъ вечеръ прибылъ къ замку королевы и былъ встрѣченъ ею съ должнымъ почетомъ. Учтиво освѣдомилась она и о страданіяхъ, раной причиненныхъ, и о чаяніяхъ принца, и о дѣяніяхъ народа его. Но холодны и чужды сердечной теплоты были разспросы ея, гордо и сурово смотрѣло лицо ея, и холодная улыбка послушно оживляла и покидала ея уста. Точно невидимая гранъ отдѣляла принца отъ королевы, и не могъ принцъ никакими усиліями сломить ее. Такъ же текло время и за пирнымъ столомъ королевы. И, когда трапеза подошла къ концу, вошелъ поэтъ, и обратилась королева къ принцу съ вопросомъ, о чемъ угодно слушать ему.

И, обратясь къ поэту, о любви просилъ говорить принцъ.

— Что желаетъ слушать принцъ? — вопросилъ пѣвецъ.

«О любви, какъ сказалъ я», повторилъ принцъ.

— Что о любви угодно слышать принцу? Ибо любовь, какъ арфа: высокія и низкія струны таитъ она; созвучья печали и радости слитно въ ней скрыты.

И, бросивъ взоръ на королеву, сказалъ принцъ поэту:

«Прочти, поэтъ, какъ, по сужденію твоему, должно любить рыцарю даму сердца своего».

И на мгновенье ушелъ мыслью въ себя поэтъ, провелъ рукою по сѣдѣющимъ волосамъ своимъ, улыбнулся короткой усмѣшкой, причемъ грустные глаза его оставались печальны, и сказалъ:

Тонкой мыслью вмѣстѣ слиться;
Двумъ одной мечтой упиться;
Не имѣть сокрытыхъ думъ;
Изъ слитого духомъ братства,
Черпать вѣчныя богатства,
Пропуская жизни шумъ;
Сердца каждое біенье,
Чтобы взоръ проникновенья
Безъ намека,
Безъ упрека,
Встрѣчнымъ ритмомъ могъ ловить,
Надо такъ любить...
И, когда цвѣты опали,
Не внимать больной печали,
Но въ тоскливый, жуткій мигъ,
Лишь раздуть огонь потухшій,
Чтобъ изъ сказки промелькнувшей
Вновь забытый міръ возникъ.
Какъ зимой улыбка лѣта
Отлетѣвшаго живитъ,
«Было солнце», — говоритъ,
Такъ должна быть жизнь согрѣта,
Днямъ минувшимъ безъ извѣта,
Нѣжной лаской бывшихъ встрѣчъ.
Межъ людьми возможно ль это?
Сердце стоитъ ли беречь?..

Неотступно слѣдилъ принцъ за королевой; видѣлъ онъ, какъ постепенно проникалась она словами поэта, какъ ожили застывшіе глаза ея, и изъ скованнаго лица выглянуло истинное ея лицо, полное жизни и чувства, видѣнное имъ нѣкогда въ шатрѣ на перекресткѣ двухъ дорогъ.

И, когда прочелъ послѣднія строки поэтъ, неслышно для многихъ, но слишкомъ громко для чуткаго слуха принца шепнули уста ея:

«И должна и можетъ быть такая любовь».

Но едва принцъ обратился къ ней, прежнее изсѣченное изъ мрамора лицо было у королевы, и уже поднималась она изъ-за стола, предлагая принцу обозрѣть ея садъ.

Дивенъ былъ садъ королевы: устремленные въ высь тополя, и раскидистые каштаны, и сидѣвшія точно на гигантскихъ сосновыхъ шишкахъ, развѣсистыя пальмы стройными рядами сходились и переплетались повсюду. И рѣзные воздушные мосты висѣли гибкими арками надъ ручьями, со звонкимъ журчаньемъ бѣжавшими по саду. И возлѣ ручья, лепетавшаго свою безконечную легенду, укрылись принцъ и королева въ легкой башнѣ, сложенной изъ камня. День угасъ уже и серебряные лучи юнаго мѣсяца зыбко струились съ темнаго неба.

И обратился принцъ къ королевѣ:

— Сестра и два брата пришли однажды на судъ мой. Дружно долгое время вмѣстѣ жили они. Въ наемной работѣ зарабатывали братья хлѣбъ свой, сестра же была уличной танцовщицей. Стройная и высокая, съ лицомъ безпорочной красоты, ходила она по площадямъ съ неизмѣннымъ бубномъ въ яркой одеждѣ танцовщицы. Когда же принималась она танцовать, вдохновенная улыбка озаряла ея лицо, бубенъ звенѣлъ, и гибкіе узоры танца ея чаровали всѣхъ. И таково было искусство ея, что игрою лица и безмолвными движеніями стана и ногъ выражала она высоту радости и глубину страданія такъ, какъ не высказать ихъ иному въ самой тонкой рѣчи. И случилось такъ, что неприступная и гордая танцовщица перестала возвращаться вечерами домой и по приходѣ ночью на разспросы братьевъ отвѣчала надменнымъ молчаніемъ. И принялись братья корить сестру, поучая, что поступками своими запятнаетъ она чистое имя свое, и будетъ позоръ отъ народа и ей и братьямъ. Но, ни словомъ не отвѣчая на укоры эти, продолжала сестра слѣдовать своему хотѣнью. Когда однажды вновь возвратилась она около полуночи, братья ея, бывшіе во хмѣлю, гнѣвно встрѣтили ее и при народѣ бросили въ сестру низкимъ словомъ. И предстала сестра предъ судомъ съ жалобой на братьевъ за то, что они укорами позора ославили ее безвинно. И для сложенія вины открыла она, что вечерами она уходила за ограду города въ нищету и уродство, и тамъ среди калѣкъ и скитальцевъ танцовала она при свѣтѣ костровъ свои танцы. И тѣ были благодарны ей и называли ее «улыбкой солнца». Не раскрывала же братьямъ о своихъ отлучкахъ, слыша отъ нихъ рѣчи, полныя обиднаго подозрѣнія и преградъ для ея желаній. И въ подтвержденіе справедливости сослалась на людей и тѣ свидѣтельствовали правоту словъ ея.

«Не ради суровой кары для братьевъ пришла я сюда», такъ закончила она: «пустъ судъ твой оборветъ пересуды людей».

И призналъ свое заблужденіе младшій братъ и просилъ прощенія у обиженной. Такъ возразилъ второй оскорбитель: «отъ уличной плясуньи,

хотя бы и сестры, всякаго ожидать можно. Не слѣдовало таиться ей, не было бы и поношенія отъ меня».

— Какъ разсудила бъ королева эту тяжбу?

«Не вижу труда въ разрѣшеніи ея», возразила королева: «призналъ заблужденіе одинъ братъ и протянулъ для примиренія руку свою. Въ чемъ же вина его? Другой же за сухость сердца подлежитъ наказанію. Какъ же тяжбу эту разрѣшилъ принцъ»?

— По словамъ твоимъ разрѣшилъ я ее. Но ты, королева, не должна прощать обидчика.

И удивленіе выразилось на лицѣ королевы.

— Истину говорю я: или должна ты признать вину его, или судъ у тебя неправый: одинъ для простыхъ людей и другой — для знатныхъ. Что наймиту прощаешь, принцу не можешь простить. Ибо призналъ свое заблужденіе я и протянулъ тебѣ руку примиренія свою, но нѣтъ для меня пощады въ сердцѣ твоемъ.

И въ первый разъ за весь вечеръ просто и довѣрчиво взглянули на принца глубокія очи королевы, огонь смущенія залилъ щеки ея, и улыбкой ласки расцвѣтились ея уста.

«Ласкою словъ твоихъ», сказала она: «смирилъ ты гнѣвливость мою, и сердце мое забыло обиды».

И пала грань, раздѣлявшая принца и королеву, и растаялъ ледъ, сковывавшій слова ихъ.

И разсказалъ принцъ королевѣ о всѣхъ печаляхъ своихъ и о тяжелой ночи, проведенной наканунѣ битвы, и о радости, испытанной при вѣсти о пріѣздѣ къ нему королевы. И такъ же прямо и безъ утайки повѣдала королева долгія грезы сердца своего. И тогда сказалъ принцъ:

— Дары, отправленные мною, не приняла ты. Въ хранилище пыли помѣстила ты ихъ. Нынѣ послѣдній даръ полагаю у ногъ твоихъ: сердце, полное тобою, разумъ, къ тебѣ устремленный, и душу, живую тобою одной, кладу я къ ногамъ твоимъ. Ужели и этотъ послѣдній даръ отвергнешь ты?

И, ни слова не возразивъ, королева мягко склонила голову къ мощному плечу принца и взглянула на него безконечно нѣжнымъ взоромъ.

И стали они, какъ дѣти.

То перебрасывались они словами чистыми, какъ хрусталь, и нѣжными, какъ дыханіе весны; то умолкали, но и самое молчаніе ихъ было такъ же прекрасно и исполнено глубокаго смысла, какъ рѣчи. Точно невидимыя струны, протянувшіяся между ихъ сердцами, незаглушаемыя словомъ, пѣли и звучали въ минуты молчанья съ удвоенной силой.

И здѣсь внѣшній міръ угасъ для нихъ. Въ дымкѣ померкли деревья. Смолкли звуки, и только ручей лепеталъ свою непонятную сказку...

Такъ соединились въ любви принцъ и королева. Такъ слились орелъ и змѣй, украшавшіе гербъ принца, съ сердцемъ, сіявшимъ въ перстнѣ королевы. Марсъ встрѣтился съ Венерой. И два народа слились въ одинъ.

ЧАСТЬ

ТРЕТЬЯ

еще истекло три года съ того дня, когда такъ чудесно и радостно соединились въ любви принцъ и королева. Три года огненныхъ поцѣлуевъ, неизбывныхъ ласкъ, златокрылой любви! Какъ сновидѣніе пронеслись они. Ибо лишь въ часы душевныхъ бурь и въ глухую осень сердца медленно и тяжко поднимается на небосклонъ огневое свѣтило, но стремительно проносится оно надъ землею, заря вечерняя не успѣваетъ смѣнить зарю утреннюю, во дни ненарушимой тишины духа, во дни вѣяній лазоревыхъ крыльевъ счастья.

И вотъ безоблачный небосводъ, разверзнутый надъ принцемъ, дрогнулъ нежданно, и изъ яснаго неба грянулъ громъ.

Какъ и въ былые дни стекались къ принцу и пѣвцы, и поэты, и люди разнаго званія, свѣдующіе въ искусствахъ, ибо любилъ принцъ и пѣвучія струны арфы, и задоръ молодого голоса, и сказки поэта, таившія въ звукахъ земли отзвуки неба.

И по обычаю принца былъ приглашенъ къ вечерней трапезѣ пѣвецъ, отмѣнно прославленный искусствомъ пѣнія своего. Молва была въ народѣ, что бездомнымъ скитальцемъ еще немного лѣтъ тому назадъ былъ тотъ пѣвецъ, и что нѣкій рыцарь, изысканный цѣнитель пѣнія, прозрѣлъ въ немъ рѣдкій даръ природы, принялъ въ замокъ свой и чрезъ мастеровъ обучилъ его искусству пѣнія. Такъ говорили въ народѣ, но кто бы призналъ въ вольномъ и статномъ пѣвцѣ, такъ небрежно закидывавшемъ за плечо конецъ своего бархатнаго плаща, безпріютнаго скитальца, бродившаго съ пѣснями своими отъ окна къ окну за жалкимъ подаяніемъ? Пѣвецъ этотъ и былъ званъ къ вечерней трапезѣ принца.

И, когда кувшины съ питіями и блюда съ яствами покрывали столы, и собрались въ трапезной принцъ и королева и приближенные къ нимъ люди, на возвышенномъ мѣстѣ передъ принцевымъ столомъ показался пѣвецъ.

Густые русые волосы, обнажая крутой лобъ, ниспадали послушными волнами на плечи его; чутъ изгибались въ улыбкѣ яркія губы; изъ-подъ дугъ бровей дерзновенно и лукаво искрились острые глаза, и тонкія ткани облекали стройный станъ его.

И принялся пѣвецъ пѣть знойныя серенады свои, находя дополненіе къ звукамъ ихъ въ созвучьяхъ гитары.

Дѣва—солнце! Лебедь нѣжный!
Я къ тебѣ стремлюсь мечтой.
Въ этотъ мигъ тоски мятежной
Въ сердцѣ пылкомъ дышетъ зной.
Въ дымкѣ лунныхъ осіяній
Я хочу тебѣ тайкомъ
Нашептать слова признаній
Опьяненнымъ языкомъ.
И, тебя обвѣявъ лаской,
Уловить намекъ тоски,
Щеки, вспыхнувшія краской,
Затемненные зрачки.
Я хочу, чтобъ страсти крылья
Закружили насъ, пьяня,
И въ истомной мглѣ безсилья
Ты шепнула мнѣ: твоя...
Я хочу тебя въ волненьи
Пыломъ страсти пронизать,
Волнъ отвѣтныя движенья
Въ ритмъ согласный сочетать.
Силъ лишенную и воли
Жечь тебя, томить въ огнѣ,
Чтобъ тѣснѣй отъ сладкой боли
Вся прильнула ты ко мнѣ.
Я хочу въ порывѣ счастья
Сбросить пытки бытія,
Въ жуткой пыткѣ сладострастья
Лицезрѣть одну тебя.
Я хочу, о, дорогая!
Въ изступленьи все забыть
И съ тобой, изнемогая,
Мигъ восторга завершить...

Легко и свободно лился голосъ пѣвца, проникая въ самую глубь сердецъ; то, какъ потокъ ликующій и властный, ширился онъ, то вкрадчиво и шепотно завораживалъ чувства, какъ переплескъ волны. И переливы эти свершались гибко, и бархатъ голоса его безраздѣльно сплетался съ мягкими прядями звуковъ гитары.

Но вотъ склонилъ голову пѣвецъ въ знакъ окончанія пѣнія своего, и обратилась къ нему королева, настойчиво требуя исполненія еще хотя бы краткой

пѣсни. И вперилъ въ королеву пѣвецъ острые взоры свои и запѣлъ шуточную пѣсенку о волшебномъ словѣ, покоряющемъ женское сердце. «Слово я знаю, чтобъ женщинъ плѣнять», такъ начиналась та пѣсня. И, пока пѣлъ онъ ее, съ задоромъ улыбались губы и искрились глаза его.

Въ глубокомъ вниманіи находились слушавшіе пѣвца, жадно вбирая каждый звукъ его голоса, но проникновеннѣе и полнѣе всѣхъ отдавалась пѣнію королева. Безъ движенія, какъ завороженная, пребывала она, вся исполняясь смутными, плѣнявшими ее ощущеніями. Чутъ трепетали на зардѣвшихся ланитахъ ея тѣни длинныхъ, полуопущенныхъ рѣсницъ и неровно подымалась грудь ея.

И случайно скользнулъ принцъ взглядомъ по лицу королевы и остановилъ въ изумленіи на ней взоръ свой. И въ глазахъ его невольно отразились удивленіе и вопросъ. И такъ долго взиралъ онъ на королеву, и все ярче выражались въ очахъ его чередовавшіеся удивленіе и вопросъ, вопросъ и удивленіе. Ибо уловилъ онъ взоръ королевы, пробуждавшій въ немъ чувства незабываемыя, воспоминанія неизгладимыя, взоръ, видѣнный имъ нѣкогда на перекресткѣ двухъ дорогъ дѣвственнаго лѣса. Нынѣ на пѣвца былъ устремленъ этотъ долгій, призывающій, неотступный взоръ. Но королева, учуявъ въ свой

чередъ обращенный на нее взглядъ принца, перевела на него глаза свои и тотчасъ различила начертанныя на челѣ его чувства — удивленіе и тревожный вопросъ. И, словно пробудившисъ отъ сковавшаго ее сна, открыто улыбнуласъ она, безтрепетно и смѣло заглянула въ глаза принца и такъ же безмолвно послала ему отвѣтъ: успокоеніе и признаніе въ любви своей.

Такъ сложился первый исполненный тревоги безсловесный разговоръ между принцемъ и королевой, такъ блеснула первая зарница надвигавшейся грозы.

И на другой день вновь чаровалъ пѣвецъ слушателей голосомъ своимъ, и вновь чувства, порожденныя пѣніемъ, поглотили королеву, и она остановила на пѣвцѣ свой упорный взоръ.

И, когда трапеза отошла и принцъ съ королевой остались съ глазу на глазъ въ опочивальнѣ, подошелъ къ окну принцъ, привлекъ къ себѣ возлюбленную свою и положилъ на ея плечо руку свою.

Сквозь мракъ ночи едва можно было различить зубцы замковыхъ башенъ, черные края рва, очертанія подъемнаго моста. Горный потокъ, смолкавшій днемъ, сварливо пѣнилъ по камнямъ безпокойныя воды свои. И, глядя во мракъ ночи, такъ говорилъ принцъ:

«Вѣрно несутъ въ погоду горныя рѣки пѣнныя волны свои, не затопляя береговъ, не сокрушая встрѣчнаго на проторенномъ пути своемъ. Но едва разразится гроза, набухнетъ, вздыбится рѣка, неудержимый токъ воды броситъ она, и мутные валы готовы ринутъся на берега, грозя разрушеніемъ и смертью. И надо вовремя раскрывать плотины и давать просторъ валамъ, дабы избѣжать грядущихъ бѣдствій. Лишь такъ свободно изольется избытокъ воды. Когда жъ утишится рѣка, вновь въ привычныхъ берегахъ потекутъ шумливыя волны. — Не такъ ли надлежитъ поступать съ сердцемъ, когда въ удушьи надвигающейся грозы бурныя чувства переполнятъ его? Гибелью и разрушеніемъ грозятъ они. И должно вовремя дать исходъ избытку смутныхъ чувствъ, сломивъ преграды затаенности и замкнутаго уединенія. Въ смѣлыхъ и прямыхъ словахъ изольется сердце, и жизнь направится въ разумныхъ берегахъ. Иначе бурныя чувства въ вихрѣ прорвутся наружу, сметя устои, и создавъ непроходимыя преграды. Не такъ ли, говорю я, во имя разума и справедливости надлежитъ поступать съ сердцемъ»?

— Возлюбленный мой! — Такъ отвѣчала королева: — чистотой духа исполнены слова твои. Въ бурю сердца достойнѣе сломить преграды тайны, дабы вихремъ не были снесены онѣ. Но, когда тишь и покой заполняютъ сердце и волны ласкъ стремятся къ знакомымъ берегамъ, нѣтъ нужды въ изліяніяхъ сердца, какъ нѣтъ мѣста для опасеній и бѣды.

И, склонивъ голову къ груди принца, нѣжно цѣловала его, но безмолвствовалъ принцъ, и рука его оставила плечо королевы.

Такъ сложился второй тревожный разговоръ принца съ королевой; такъ прозвучалъ первый отдаленный раскатъ приближавшагося грома.

На утро же надлежало принцу для устроенія дѣлъ народа отбыть изъ замка, и съ друзьями своими пустился онъ въ путь, королева же провожала его и въ послѣднихъ взглядахъ посылала ему успокоеніе и обѣты вѣрности.

А пѣвецъ, оставшись въ замкѣ, все пѣлъ да пѣлъ и о подвигахъ рыцарей, и о сладости утаенныхъ утѣхъ, и о волшебныхъ словахъ, покоряющихъ женское сердце.

И такъ прошло три дня. А на вечеръ четвертаго прибылъ обратно принцъ и, бросивъ конюшему поводъ, направился къ саду, разбитому подлѣ замка.

Въ тяжелую думу погруженный медленно двигался онъ къ излюбленному мѣсту сада своего, гдѣ безпечно и счастливо проводилъ онъ съ королевой краткіе часы досуга. Мѣстомъ тѣмъ была горная пещера, высѣченная въ скалѣ руками природы, и у входа росли частые, высокіе кипарисы, сохранявшіе въ пещерѣ даже въ знойные дни живительную прохладу и свѣжесть. Горный источникъ выбивался изъ расщелины скалы, и его тонкая струя, ударяясь о камень, наполняла воздухъ однозвучнымъ, звонкимъ воркованіемъ.

Къ этой пещерѣ невольно направлялъ принцъ путь свой, ибо въ ней провелъ онъ лучшія мгновенія жизни своей. И, подойдя къ скалѣ ровнымъ, размѣреннымъ шагомъ, сквозь пѣнье горной струи услышалъ онъ чьи-то прерывистыя рѣчи, чьи-то ласковыя признанья, страстныя слова и поцѣлуи. Въ недоумѣніи остановился принцъ и обострилъ слухъ свой и въ переливѣ пылкихъ словъ и поцѣлуевъ призналъ голоса пѣвца и королевы.

Оцѣпенѣніе поразило принца. Мгновеніе простоялъ онъ, какъ заговоренный, лишенный мысли и безсильный двигаться, точно все еще не вѣрилъ онъ слуху своему, точно ждалъ, что разсѣется обманъ чувствъ его. Но омертвѣніе это длилось всего лишь мгновеніе; когда истекло оно, распрямилъ принцъ плечи, и вдохнулъ полной грудью воздухъ, и провелъ рукою по глазамъ своимъ, словно свѣвая съ нихъ пелену, застилавшую свѣтъ, и, повернувшись, прочь пошелъ отъ пещеры, такъ же спокойно и размѣренно, какъ и направлялся къ ней, и лишь на губахъ его легла усмѣшка брезгливаго презрѣнія.

И, подойдя къ замку, остановился онъ предъ подъемнымъ мостомъ, опустился у дороги на траву и склонилъ на руку голову свою. Мысли, какъ огненныя пчелы, метались въ головѣ его, одна обгоняла другую, и всѣ онѣ неслись бѣшенымъ роемъ. На губахъ же его вспыхивала улыбка презрѣнія и скорби.

И вотъ по сухому песку въ тиши опустившейся ночи раздались легкіе шаги королевы. Когда приблизилась она къ подъемному мосту, поднялся принцъ и, крѣпко сжавъ у локтя ея руку, остановилъ ее.

«Откуда и куда направляешь ты путь свой»? Спросилъ онъ глухимъ, но ровнымъ голосомъ.

И, бросивъ принцу слова привѣтствія и радости встрѣчи, ускоренно принялась королева выбрасывать слова:

— Возлюбленный мой, уже потемнѣло небо, и высоко надъ землею поднялась южная звѣзда. Близко время отдыха, къ опочивальнѣ своей направляю я путь свой.

И молчаливо внималъ принцъ отвѣту королевы, ожидая отъ нея иныхъ словъ, но болѣе ни вздоха не услышалъ онъ. И, прервавъ молчаніе, вновь обратился принцъ:

— «Куда, говоришь, спѣшишь ты»?

И съ удивленіемъ въ звукахъ голоса вновь повторила королева:

— Къ дому своему иду я — въ свою опочивальню.

«Тамъ нѣтъ дома твоего»! Возгласилъ принцъ: «всѣ владѣнія мои были открыты тебѣ и горды были принимать тебя. Но лучшій чертогъ твой былъ въ сердцѣ моемъ. Нынѣ исторгла ты себя изъ чертога сего, не быть намъ вмѣстѣ подъ кровлей одной. Тамъ нѣтъ дома твоего»!

И постигла королева, что принцу извѣстно все, и что слова возраженія будутъ мертвыми словами.

«Зачѣмъ солгала ты»? Говорилъ дальше принцъ: «презрѣніе и боль вселяетъ въ меня твое прекрасное лицо. Никто не воленъ надъ сердцемъ своимъ, внутри его своею властью рождается любовь безъ вѣдома разума и вопреки волѣ и въ скрытой отъ взора часъ покидаетъ его. Но истина и вѣрность слову во власти человѣка. Не о вѣрности влеченія говорилъ я тебѣ, а о вѣрности слова, чтобы мутью лжи и обмана не было замутнено чувство. Ты обѣщала мнѣ правду и вотъ солгала мнѣ; зачѣмъ? Все видѣлъ я и многое предвидѣлъ. Къ правдѣ и откровенію взывалъ я, дабы избѣгнуть калѣченія чувства, но ложью своей ты удвоила его. Въ своемъ воспаленномъ влеченіи не пощадила ты ни чистоты чувства, ни чистоты мѣста. Единой ложью осквернила все прошлое и грядущее: чему дамъ вѣру послѣ бывшаго!.. Непроходимую преграду воздвигла между собою и мной и навѣки отвергласъ отъ меня, ибо ужасъ и боль вселяетъ въ меня твое гордое, безупречной красы, твое великолѣпное лицо! Скрой его съ глазъ моихъ!.. Къ этому ли стремилась ты? Во имя чего же лгала ты?.. Зачѣмъ?» И, не ожидая отвѣта, направился принцъ къ мосту. Послѣдъ ему, прорѣзая мглу ночи, неслись слова оправданія, скорби и обиды, но принцъ не внималъ имъ. Тяжелый мостъ медленно поднялся за нимъ, и широкій ровъ, какъ неприступная преграда, отдѣлилъ королеву отъ принца.

Такъ сложился послѣдній разговоръ королевы и принца, такъ надъ головой его грянулъ жестокій громъ.

А пока у подъемнаго моста произносилъ принцъ послѣднія свои слова королевѣ, въ замкѣ царило смятеніе.

Съ плохими вѣстями прибылъ гонецъ. Возлѣ владѣній принца былъ трудно-проходимый лѣсъ, пристанище разбойниковъ и лиходѣевъ, выходившихъ по ночамъ для страшной работы своей. И въ тотъ же лѣсъ по окончаніи послѣдняго боя, веденнаго принцемъ, укрылись отбившіяся части врага. Тамъ ютились они, боясь показаться на свѣтъ. Невѣдомо чѣмъ питаясь, въ шкурахъ звѣрей вмѣсто одеждъ, волки эти повременамъ свершали внезапные налеты на селенія принца, наводя ужасъ однимъ своимъ видомъ, и, захвативъ добычу, какъ звѣри въ свое логовище, вновь уходили они въ дремучій лѣсъ. Но дерзость ихъ преступила всѣ предѣлы: свершивъ набѣгъ на замокъ нѣкоего рыцаря во время отсутствія его, перекололи они стражу, юную же дочь рыцаря, красѣ которой не одинъ пѣвецъ слагалъ серенады, похитили они и увезли въ берлогу свою.

И надлежало какою бы то ни было цѣной уничтожить этихъ дикарей, повергшихъ въ трепетъ все населеніе.

Съ такими то вѣстями прибылъ въ замокъ гонецъ. Но друзья принца, зная томленіе духа его, не осмѣливались доносить о [злодѣяніи и вели межъ собою совѣтъ, какъ поступить имъ.

Принцъ же вошелъ въ замокъ, созвалъ привратниковъ и слугъ и приказалъ собрать друзей своихъ въ оружейную, гдѣ соединялся онъ съ близкими сердцу своему до прибытія въ замокъ королевы, и повелѣлъ возжечь въ оружейной всѣ свѣтильники, чтобы весело и ярко было въ ней, и подать къ столу лучшихъ заморскихъ винъ, чтобы весело и ярко было въ сердцахъ вкушающихъ ихъ.

И, когда собрались друзья, вошелъ принцъ.

Яркимъ свѣтомъ была залита оружейная; тускло блестѣли кольчуги, брони и мечи, покрывавшіе стѣны отъ полу до сводчатаго каменнаго потолка; чаши, кубки и литые кувшины со сладкими винами покрывали столъ, а вокругъ него у лавокъ толпились друзья принца. И уловили они, что несказанная скорбь лучится изъ глазъ принца, но твердъ и непреклоненъ обликъ его блѣднаго чела.

«Привѣтствую близкихъ сердцу моему», такъ началъ принцъ, садясь за трапезу: «давно не обмолвился я съ вами ни словомъ. Нынѣ настало время открыть вамъ уста мои и сердце мое. Но до того, пусть каждый изъ васъ отвѣтитъ на одинъ вопросъ мой».

И, обведя собравшихся взоромъ, такой вопросъ предложилъ принцъ:

«Пусть каждый изъ васъ скажетъ мнѣ: есть ли счастье въ любви женщины, если же есть, въ чемъ оно? Поэтъ пусть первый отвѣчаетъ на вопросъ мой: вѣдь поэту вѣдомы тайны сердецъ, пусть же онъ ихъ и откроетъ намъ».

И на вопросъ принца такъ отвѣчалъ поэтъ:

— Есть счастье въ любви женщины, и настолько велико оно, что отвѣчаетъ ли желанная на любовь мою, или нѣтъ, полюбитъ ли, и потомъ оставитъ меня, всѣ чувства равно высоки для сердца моего. И радость и печаль, порожденныя женщиной, одинаково прекрасны въ любви, ибо расцвѣтаетъ въ нихъ сердце мое, и, можетъ, злоключенія любви еще краше удачи, ибо очищаетъ печаль сердце и не несетъ за собою обмана мечты.

И, усмѣхнувшись, такъ говорилъ принцъ:

«Отъ поэта и нельзя было ждать иного сужденія: чѣмъ пестрѣе и глубже его ощущенія, тѣмъ живѣй его стихъ. Не вдохновленный огнемъ чувства, холоденъ и мертвъ плодъ его мечты. А переливъ въ созвучья свои радости и скорби, словамъ уступаетъ онъ часть ихъ: стихъ оживаетъ, чувство же сердца блѣднѣетъ, и никто не остается въ обидѣ. Лишь подобный отвѣтъ и ожидалъ я. Ну, а ты, что отвѣтишь на вопросъ мой»? обратился принцъ къ звѣздочету.

— Во дни юности моей, — такъ отвѣчалъ звѣздочетъ: любилъ я женщину одну, но кратко было мое счастіе: пока я съ долгими исчисленіями искалъ на небѣ новыхъ звѣздъ, возлюбленная моя безъ всякаго числа искала на землѣ новыхъ увлеченій. И я простился съ нею и не желалъ уже новой любви. Не испыталъ я радости въ женской ласкѣ!

И, улыбнувшись, такъ говорилъ принцъ:

«Отъ звѣздочета я и не ждалъ другого отвѣта: умамъ, погруженнымъ въ науки, не пристало искать женской любви, ибо въ глазахъ женщины каждый ученый или мудрецъ на головѣ своей носитъ колпакъ съ бубенцами. По чистосердному сужденію женщины мудрецы рождены съ единою цѣлью, чтобы ихъ обманывать съ ясной совѣстью. А ты, мой вѣрный пажъ, самый юный изъ друзей моихъ, что скажешь ты на вопросъ мой»?

— Въ любви я не зналъ еще печали, — отвѣчалъ пажъ: одну радость испытывалъ я. Если же терялъ я возлюбленную свою, то находилъ другую и въ объятіяхъ ея испытывалъ ту же радость и усладу, ибо всѣ женщины прекрасны, и ласки одной ни мало не разнятся отъ нѣжности прочихъ.

И ласково взглянулъ на пажа принцъ и такъ возразилъ:

«Иначе и не могъ судить ты, юный другъ мой, ибо невѣдома тебѣ любовь, и любишь ты женщину не сердцемъ, а жаромъ крови твоей».

«Друзья», говорилъ далѣе принцъ: «сколько бы я ни спрашивалъ васъ, каждый высказывалъ бы, что довелось встрѣтить ему въ жизни своей. Всѣ вы правы и всѣ заблуждаетесь, ибо въ каждомъ отвѣтѣ скрыта крупица лишь истины.

Зорко всмотритесь въ женщину, въ ней различите вы черты ребенка, возлюбленной, супруги и тайновидицы. Какое свойство возобладаетъ въ ней,

то и опредѣлитъ жизненный путь ея. Иныя женщины до конца дней своихъ сохраняютъ душевную чистоту дитяти и ясность взоровъ его. Далекія отъ жизни, чуждыя ей и ея невѣдующія проходятъ онѣ свѣтлыми тѣнями среди міра борьбы, злобы и всяческой суеты. Пальцы ихъ тонки и хрупки, уста озарены кроткой улыбкой, хрустальныя воды таятся на днѣ глубокихъ глазъ ихъ, и цвѣты нагорнихъ благоуханій роняютъ ихъ слабыя руки. Тихія тѣни — въ сонмѣ бѣсноватыхъ! Крылья рѣющей чайки надъ взметенными волнами моря! Бѣлые цвѣты на кладбищѣ духа!..

И другія есть женщины. Страстныя къ жертвѣ и подвигу исполнены онѣ величія духа и неустрашимости. Внутреннимъ прозрѣніемъ своимъ и широтою сердца побуждаются онѣ и обрекаютъ себя служенію захватившей ихъ мысли, принося въ жертву ей все. Высокіе образцы духа мужественнаго и вѣрнаго даже для иныхъ рыцарей!

Какъ мало женщинъ-лилій, такъ же мало и женщинъ-провидицъ.

Остальное же все живетъ любовью и для любви. Для однѣхъ она вкраплена въ тѣсныя грани опоры — супруга и отрады — дѣтей. Для другихъ любовь — непрерываемая игра ощущеній; онѣ играютъ любовью, какъ фокусникъ горящими факелами. И этихъ больше число. О сихъ и будетъ рѣчь моя.

Друзья, тридцать лѣтъ я ждалъ женщину, тридцать лѣтъ образъ ея носился въ мечтахъ моихъ. И вотъ мечта стала явью. Встрѣтилъ я женщину, женщину необычную: королеву страны, королеву ума и женской красы. И я полюбилъ ее всѣмъ сердцемъ. Пылкой страстью рыцаря полюбилъ я ее, какъ возлюбленную; какъ родное дитя, лелѣялъ и голубилъ ее и своею сестрою назвалъ ее въ сердцѣ своемъ. И королева отозвалась на призывъ мой: въ свой чередъ полюбила меня, но еще болѣе меня любила она игры любовныя.

Когда нѣжно и пылко отвѣтила королева на любовь мою, счастье осѣнило насъ. Чѣмъ болѣе я познавалъ королеву, тѣмъ сильнѣе меня влекло къ ней. Любовь непрестанно росла во мнѣ, и не было преградъ, способныхъ удержать ее. Сердце мое было насыщено любовью, какъ спѣлыя гроздья виноградномъ сокомъ. Я преизбыточествовалъ любовью. И королева видѣла происходившее во мнѣ и, какъ умѣетъ только женщина, всѣми струнами сердца своего отвѣчала на любовь мою.

Три года истекло такъ. Какъ искра изъ костра пронеслись они. И вотъ, спокойно сіявшее море счастья стало грозно рокотать. Помните ли, друзья, тотъ вечеръ, когда въ замокъ вошелъ искусный пѣвецъ и, ставъ противъ королевы, ударилъ по струнамъ и запѣлъ пѣсни свои? Не по струнамъ гитары ударилъ онъ, а по струнамъ сердца королевы и умѣлъ задѣть его слабую струну, и она отозвалась сперва робко и нерѣшительно.

Въ вечеръ тотъ впервые уловилъ я въ глазахъ королевы тѣнь безучастья ко мнѣ, искру увлеченія пѣвцомъ.

Вечеръ тотъ рѣшилъ всю участь мою. Три ошибки совершилъ я тогда. Я не познавъ всей силы и властности мгновенія, когда начинаетъ остывать женское сердце къ одному и устремляется къ другому. И это была первая ошибка.

Въ вечеръ тотъ въ возлюбленной моей смолкла королева, и женщина заговорила въ ней.

Друзья, постигайте смыслъ мгновенія, когда начинаетъ женщина обращать на другого нѣжные взоры свои, ибо мгновеніе то вѣщее.

Когда костеръ любви возлюбленной померкнетъ,
А ты еще горишь, и зноя ищетъ грудь,
Изъ угольевъ любви раздуть не думай пламень,
Скрѣпя свой духъ, гаси огни свои.
Безплоденъ разумъ здѣсь, усилья воли тщетны,
Не создано преградъ, и нѣтъ такихъ цѣпей,
Чтобъ удержать любви осенней увяданье!
Когда любовный жаръ замѣтишь ущербленнымъ,
Стремись порвать слабѣющія путы,
Разбей любовь, — тѣмъ сохранишь ее;
Пылъ ускользающій возлюбленной утратишь,
Мечту любви — нетлѣнной сохранишь.
Призывы къ прошлому, алчба угасшихъ ласкъ
Не принесутъ съ собой отрады и утѣхи.
Ложь криводушная свое протянетъ жало,
Все чистое скверня своимъ прикосновеньемъ.
Навстрѣчу лжи зашевелится ревность:
Незримая — она свои расправитъ крылья,
Дремавшая — встревоженною встанетъ
И, каждый шагъ слѣдя косымъ, пытливымъ взоромъ,
Все обольетъ отравой подозрѣнья.
Покой довѣрія заступитъ суета:
Словъ изобиліе, убожество поступковъ,
Смятенье чувствъ, безсиліе ума,
Со дна души вся нечисть всколыхнется,
И бездна мрачная послѣдній скроетъ свѣтъ.
И, обманувшись разъ въ своихъ исканьяхъ сердца,
Отвернешь отъ любви лицо свое во вѣкъ.
Нѣтъ!.. Чтобъ спасти любовь, добей остатокъ чувства,
Мечту любви нетлѣнной сохранишь.
Стремясь еще — послѣднее утратишь,
Чѣмъ глубже въ боръ, тѣмъ гуще виснетъ мракъ.

Но въ срокъ разбей ржавѣющія звенья,
И обликъ дней, ушедшихъ безвозвратно,
Безоблачнымъ пребудетъ до конца»!

И съ удивленіемъ взиралъ на принца пажъ, и утвердительно кивали сѣдыми головами искушенные въ бояхъ и въ жизни рыцари.

А принцъ продолжалъ: «Теперь, друзья, говорю я вамъ такъ, но въ вечеръ тотъ къ королевѣ обратилъ я взоры свои съ безмолвнымъ вопросомъ, и женщина глазами же послала мнѣ отвѣтъ: успокоеніе и обѣты вѣрности. И я повѣрилъ ея глазамъ болѣе, чѣмъ собственнымъ. И это была вторая ошибка. Любите женщину всѣмъ сердцемъ, но разумъ вашъ пусть остро озирается вокругъ и въ нужное мгновеніе подастъ свой властный голосъ. Не довѣряйте чужимъ глазамъ болѣе, чѣмъ собственнымъ. Вѣрьте женщинѣ до перваго обмана. Разъ солгавъ, женщина становится на путь лжи и скользитъ по нему, какъ судно при попутномъ вѣтрѣ. Вамъ будетъ лгать она словами, молчаніемъ, поцѣлуями, всѣмъ существомъ своимъ. Ложь иногда родится раньше женщины, оттого онѣ и лгутъ, какъ дѣти разсказываютъ сказки, завѣряя другихъ и себя въ истинности произносимыхъ словъ.

И женщина, сказавъ мнѣ неправду глазами, потомъ повторила ее молчаніемъ, рѣчью и поцѣлуями.

И, оставшись наединѣ съ королевой, я воззвалъ къ ея разуму; во имя истины и справедливости просилъ открыть я сердце ея. И это была третья ошибка.

Не понуждайте безногаго ходить, онъ не въ силахъ двинуться съ мѣста, не заставляйте слѣпого изощрять зрѣніе, его глазамъ не дано видѣть свѣтъ. Такъ же безплодно говорить съ женщиной о справедливости и взывать къ ея разуму. Не доводами разума, но влеченіями чувства и толчками воли побуждаются женщины. Живя лишь любовью и для любви, женщина почитаетъ разумнымъ и справедливымъ все, совершенное ради любви. Потому отдаетъ она всѣ устои и велѣнія, а прежде всего — себя возлюбленному своему, ибо это она считаетъ справедливымъ. И потому же всякое злодѣяніе, совершенное во имя любви, проститъ и оправдаетъ женщина.

Но никогда женщина не признаетъ справедливымъ, что любви перечитъ, и горе тому, кто во имя разума и истины дерзаетъ прекословить женщинѣ.

Въ глазахъ ея онъ то и есть истинный злодѣй.

Посему, друзья, не вѣряйте никогда правосудія въ женскія руки; пустыя чаши вѣсовъ въ рукахъ женщины уже не на одной высотѣ, и на одинъ праведный судъ будетъ у васъ десять самосудовъ.

Не подходите же къ поступкамъ женщины съ мѣрилами разума.

Своими доводами направляется женская мыслѣ, и никто не можетъ ожидать, куда повернется она. Одного ожидай отъ женщины: неожиданныхъ поступковъ.

Не вѣдая справедливости и не ища правды, не знаетъ женщина и обмана, потому женщины и лгутъ, какъ дѣти разсказываютъ сказки: сердцемъ вѣря въ истинность произносимыхъ словъ.

Видя въ любви единую цѣль жизни своей, женщина способна сердце свое обращать одновременно къ двоимъ, иная же, особо богатая природой женщина растекается любовью разомъ на троихъ: одного любитъ она, какъ наперсника, по памяти прошлаго, другого, какъ друга, третьяго же, какъ мужчину. Но коротка у женщинъ память и своеобычна дружба; настанетъ мигъ, наперсника и друга вытѣснитъ мужчина, ему достанется женщина, тѣмъ же двоимъ — огорченіе.

Дружбу призываетъ женщина дважды: когда томится она по безучастному къ ней и подъ прикрытіемъ дружбы идетъ осада сердца, и когда, оставаясь равнодушной, жалуетъ она званіемъ друга плѣненнаго ею. И тяжко приходится первому другу отъ неугомонной дружбы, преслѣдующей его по пятамъ. Но жребій второго много горше: когда на слова любви предложитъ женщина дружбу, плохое будущее ожидаетъ любовь, ибо вмѣняется другу любитъ жертвенно, но для возлюбленной безущербно.

А память женщины сравню я, друзья, съ содержимымъ ихъ коробовъ; видали ль вы нѣдра ихъ? И тонкія ткани, и безцѣнные камни, и локонъ возлюбленнаго, и обрывокъ твореній поэта — все это въ равномъ безпорядкѣ и въ безпорядочномъ равенствѣ покоится на днѣ хранилищъ ихъ. Таковы же нѣдра и женской памяти: все прошлое съ одинаковымъ безучастіемъ хранится на днѣ ея. Не имѣя разумнаго мѣрила цѣнности въ настоящемъ, не чтитъ женщина и прошлаго; потому, не щадитъ она ни чистоты чувства, ни неприкосновенности мѣста.

Такъ говорю я о женщинѣ, но гнѣва не знаетъ сердце мое, ибо болѣе всего въ женщинѣ все-же ребенка; но подолгу держимъ мы ихъ во мракѣ опочиваленъ, и, когда выйдутъ онѣ на свѣтъ, взоры ихъ жадно бросаются на игры новыя, и огни блестящіе, а блестящіе огни слѣпятъ.

Такъ случилось и съ королевой. И, когда я воззвалъ къ возлюбленной моей съ доводами разума и справедливости, они отскакивали отъ нея, какъ стрѣлы отъ кольчуги, ибо разумъ ея былъ ослѣпленъ блескомъ новой забавы. Это и была третья моя ошибка.

Если любовь ваша, друзья, дошла до этой ступени, ройте могилу любви и спасайтесь отъ возлюбленной своей, ибо больше спасать вамъ нечего. Нынѣ была вырыта могила моей любви, нынѣ навсегда простился я съ возлюбленной

моей. Какъ властно и безраздѣльно владѣла она сердцемъ моимъ, такъ же всецѣло и безвозвратно она ушла изъ него. Что дальше могло ожидать сердце мое?

Когда ложь просунетъ въ любви свою голову, и голосъ чести останется безъ отвѣта, любовь изъ королевны обращается въ нищую. Горе любви, питающейся подаяніемъ! Не доводите, друзья, королевны до обнищанія.

Или чувство ревности, это себялюбіе плотской страсти, начнетъ править вами, а чувство — плохой кормчій воли. Или женщина предложитъ вамъ дружбу въ воздаяніе памяти прошлаго и напоитъ васъ горечью изъ сосуда самодѣльной дружбы. Или еще она поработитъ васъ. Обратитъ возлюбленнаго въ раба — сокровенная мечта каждой, бряцающей на струнахъ 'сердечныхъ. Когда пылъ возлюбленной на исходѣ, не унижайтесь молбами къ ней: падая ницъ передъ женщиной, падаешь въ глазахъ ея. Но не унижайте и возлюбленной своей, ибо вчера вы грезили ею, а плохъ тотъ, кто унижаетъ свою вчерашнюю мечту.

Пусть каждый остается вѣренъ себѣ. Наемный солдатъ беретъ женщину, какъ свою добычу. Купецъ пользуется ласками ея, какъ товаромъ, за который платитъ онъ золотомъ. Юноша цѣлуетъ милую свою для успокоенія волнуемой крови его. Рыцарь же любитъ женщину — по рыцарски. Пусть обманываетъ тебя женщина; тебѣ измѣняя, себѣ остается она вѣрна. Будь же и ты вѣренъ себѣ и униженіемъ женщины не дерзай унижать себя.

Пусть каждый будетъ вѣренъ себѣ.

И, если любовь ваша докатилась до послѣдней ступени, ройте могилу любви, иначе любовь вамъ выроетъ могилу.

Нынѣ была вырыта могила любви моей. Нынѣ закрылось сердце, жившее одною мечтой, какъ закрыты навѣкъ покои королевы. Но злобы не знаетъ сердце мое. Отнынѣ не стану я исчислять заблужденій возлюбленной моей, ибо не вѣдала она поступковъ своихъ; и ни одного камня не брошу памяти ея, ибо любовь сочетала насъ; и ни единаго укора да не сорвется съ устъ вашихъ названной нѣкогда сестрѣ моей, ибо я любилъ ее; но и ни единое слово впредь не упоминаетъ имени ея, ибо умерла она для сердца моего.

Для сердца умерла королева, но есть внутри человѣка одна сторона духа его, гдѣ минувшее меркнетъ не такъ быстро, памятью зовется она.

Съ воспоминаніями, друзья, поступайте, какъ ключарь съ хранимыми вещами: негодное онъ уничтожаетъ, цѣнное же бережетъ.

Блюдите, друзья, благородство памяти. Высокія мгновенія жизни вашей пусть горятъ въ вашей памяти снѣговыми вершинами. Когда въ распутьи остановитесь вы предъ лѣсомъ сомнѣній, не зная куда итти, обратитесь назадъ, и снѣговыя вершины прошлой жизни предукажутъ вамъ истинный путь. Такъ въ памяти моей поступлю я съ угасшей любовью моею. Только свѣтлыя

мгновенія ея удержу я въ душѣ своей. Скорбью исполнено сердце мое. Иглы обидъ и острія памяти источаютъ кровь мою. Но волею я умѣрю боль обидъ и по желанію сокращу жестокосердье памяти. Скорбью исполнено сердце мое, но не позволю ей сокрушить меня, не омрачу печалью жизни своей».

И здѣсь остановилъ принцъ рѣчь и склонилъ долу взоры свои. Словно мѣрилъ онъ силу страданій и крѣпость воли своей. И лишь чрезъ нѣкоторое время вновь обратился онъ:

«Жизнь, друзья, — еще невоздѣланный садъ. Произрастаютъ въ немъ приносящія плоды деревья и хрупкіе цвѣты, но пробиваются также терніи и сорныя травы. Воздѣлывайте же плодовыя деревья и вдыхайте ароматы цвѣтовъ, сорнымъ же травамъ удѣляйте столько времени, сколько требуется для уничтоженія ихъ. Непостижимы люди, любовно роющіеся въ сору и отбросахъ. Земляные черви, выползающіе на свѣтъ изъ дыръ своихъ лишь въ мрачное ненастье! Предоставьте червямъ и навознымъ жукамъ любезное имъ поприще. Вы же, друзья, будьте всегда лебедями, стремящимися къ облакамъ. И, если злые вихри и люди повергнутъ васъ на землю и забросаютъ васъ всяческой грязью, и послѣдній изъ послѣднихъ радостно ткнетъ въ васъ своимъ толстымъ пальцемъ, и здѣсь не клоните головы своей и не уставайте взирать въ облака. И сердце ваше, всегда лелѣйно пѣвшее славу солнцу и красотѣ, съ презрѣніемъ отстранитъ бросаемую грязь и внутри себя обрѣтетъ силу и крѣпость для поборенія ея, ибо къ лебедямъ грязь не липнетъ.

Воздѣлывайте же, друзья, плодовыя деревья, бережно храните хрупкіе цвѣты и ловите жадно чутъ струящіеся въ саду дивные напѣвы. Лучшему же изъ нихъ имя — любовь.

Любовью, друзья, зовется тончайшая музыка сердца единая, несравненная. Кто не испыталъ радости ея, тотъ не пилъ изъ родниковъ блаженства; кто не извѣдалъ ея горести, тотъ не содрогался въ корчахъ бытія.

Когда любитъ женщина, раскрываетъ она замки сердца своего. Свою жизнь угашаетъ она и вся исполняется жизнью возлюбленнаго, ибо жизнь ея — любовь, а любовь — ея возлюбленный.

Она слѣдуетъ за нимъ вѣрной тѣнью, вьется вокругъ мотылькомъ, рѣетъ горлицей, паритъ надъ нимъ орлицей.

Ласковая и покорная, какъ дитя, свѣтомъ и теплом своихъ замковъ наполняетъ она замокъ своего возлюбленнаго, устилаетъ его бархатомъ нѣжности, украшаетъ самоцвѣтными камнями заботы и вниманія, разсыпаетъ блестки невинныхъ причудъ и разбиваетъ сады тонкаго вымысла.

Она болитъ скорбью желаннаго своего и болѣе его горда его побѣдой.

Еще до начала рѣчи возлюбленнаго объ испытываемыхъ печаляхъ по звуку голоса его, по единому движенію его рукъ женщина очами сердца своего

узрѣла и постигла все, и уже утѣшаетъ она взглядомъ горлицы и бодритъ взоромъ орлицы, ибо какія скорби не смолкнутъ предъ кротостію горлицы, и какія силы не воспрянутъ передъ мощью орлицы?

И никогда не упадетъ возлюбленный на избранномъ пути своемъ, ибо при первомъ скользкомъ шагѣ чья то надежная рука уже поддержала его и укрѣпляетъ на вѣрномъ пути его. И нѣтъ жертвъ, которыхъ не принесла бы женщина ради дорогого сердцу ея, ибо безгранична любовь ея. И на всѣ злосчастія выпавшихъ испытаній она будетъ взирать очами любви своей, а имъ дано зрѣть лишь одно: солнце жизни ея — ея возлюбленнаго.

Такъ и въ несчастіи будетъ женщина счастлива въ лучахъ солнца своего.

А какъ возлюбленная, возжетъ женщина изумрудные огни ласки и гранатовые — страсти и по лѣстницѣ усладъ возведетъ друга сердца своего въ гротъ надземный, гдѣ забвеніе бытія и восторги изступленья.

Прекрасна женщина въ любви, и пышны замки сердца ея; но едва наступитъ вѣщее мгновеніе умиранія страсти, замки женщины померкнутъ, ибо новому солнцу начнетъ она совершать жертвоприношенія и первой жертвой будетъ ея возлюбленный, и здѣсь обнажится черный дворъ ея души.

Но о немъ не стану вести рѣчи.

Памятуйте же, друзья, любовью зовется тончайшая музыка сердца. Не заглушайте, не гоните любви. Нѣтъ!.. Любите, но любите дольше и счастливѣе меня. Не замутняйте любви своей, не гните униженно колѣнъ и будьте рыцарями до конца. Любите любовь свою.

За васъ и за любовь вашу, юные друзья мои, поднимаю я кубокъ свой. Его осушу я до дна, какъ до дна испилъ я чашу любви своей. Мнѣ же довольно и бывшаго, ибо изошелъ я любовью, какъ раненый истекаетъ кровью, и умолкли струны, пѣвшія любовь».

И, когда кубки были осушены, такъ продолжалъ принцъ:

«За работниковъ въ саду жизни выпьемъ, друзья, второй кубокъ — за охаживающихъ цвѣты и окапывающихъ плодовыя деревья. И этотъ кубокъ до конца осушу я, какъ надлежитъ до конца воздѣлать нашъ плодоносный садъ».

И, когда выпиты были кубки и вновь запѣнились виномъ, такъ продолжалъ принцъ:

«Друзья, ни одинъ день не проходитъ въ жизни безъ слѣда. Какъ рѣзецъ въ рукахъ ваятеля кладетъ нестираемую черту на обломкѣ камня, такъ каждое наше дѣяніе, слово, каждый помыселъ оставляетъ внутри насъ свой неизгладимый слѣдъ. Ваятель изъ глыбы камня создаетъ памятникъ вещной красоты; кто изъ жизни своей создастъ памятникъ красоты духовной?

За ваятелей этой красоты поднимаю я третій кубокъ. И его осушу я до послѣдней капли, ибо что достойнѣе красоты»!

И, когда и третій кубокъ былъ допитъ, склонилъ принцъ голову на руку и ушелъ мыслью въ себя.

Только дыханіе грудей, да трескъ свѣтильниковъ нарушали чуткую тишину.

И съ сокрушеннымъ участіемъ взирали друзья на возлюбленнаго властелина своего, скорбь очей котораго не растворялась въ торжествѣ произносимыхъ имъ здравицъ. Но вотъ поднялъ голову принцъ и освѣдомился о дѣлахъ правленія своего. И сообщили ему друзья о злодѣяніи лѣсныхъ дикарей. И воспрянулъ духомъ принцъ:

«Задать лошадямъ корму, осмотрѣть снаряженіе, отточить мечи и собрать рыцарей. На разсвѣтѣ выступимъ изъ замка. До утра остается еще время на отдыхъ». И, отдавъ приказанія, покинулъ оружейную.

А наутро, когда туманъ поднимался съ полей, и первыя птицы сновали въ поискахъ корма, изъ чащи дремлющаго лѣса выѣзжали рыцари.

Впереди всѣхъ на ворономъ конѣ ѣхалъ принцъ. Прямъ былъ станъ его, надежно сжимала поводъ рука его, стремленье и крѣпость были начертаны на свѣтломъ челѣ его.

И лишь на днѣ его глазъ изощренное зрѣніе могло уловить неугасимую скорбь пережитыхъ испытаній.

И первые лучи багроваго солнца ударили въ его броню и разсыпались въ кольцахъ ея сотнями искръ.

ЧАСТЬ
ЧЕТВЕРТАЯ

обѣдителемъ возвратился принцъ изъ похода, наведя страхъ на дерзкихъ лиходѣевъ и изничтоживъ большую часть ихъ.

Клики восторга, возгласы привѣтствій оглашали воздухъ при слѣдованіи принца. Улыбку и привѣтъ слали народу уста принца, сердце жъ его молчало. Въ пылу битвы, въ упоеніи побѣды не испытывалъ принцъ страды сердца своего. Лязгъ мечей и стоны пораженныхъ заглушали стоны духа его. Но едва закончилась битва воиновъ, начался поединокъ между высокимъ разумомъ и упавшимъ сердцемъ принца. Ясно созерцалъ принцъ внутренними очами своими, что мощенъ еще духъ его, и не одна буря встрѣтитъ отпоръ на скалѣ твердой воли его, что будутъ еще великія торжества разума, но празднество сердца его было окончено. Спѣты были пѣсни, которыя не повторяются дважды, и померкли огни, которымъ не вспыхнуть вновь.

Съ замкомъ сравнивалъ себя принцъ, видѣннымъ имъ нѣкогда: высоки были стѣны его, грозно смотрѣли бойницы и глубокіе рвы окружали его отовсюду, но пусты были чертоги замка; въ положенный часъ не скрипѣли цѣпи подъемныхъ мостовъ и ни единый звукъ человѣческаго голоса не нарушалъ мрачной тишины его. Жилищемъ пауковъ, да пристанищемъ безшумныхъ ночныхъ птицъ сталъ этотъ шумный нѣкогда замокъ. Такъ же высоки были стремленія принца, глубокъ духъ, смертъ и пораженіе несли врагамъ грозныя очи его, сердце жъ его было угрюмо, и лишь черныя воспоминанія, какъ безшумныя ночныя птицы, самовольно носились и рѣзали пустоту сердца его.

Пуще, чѣмъ когда либо, по возвращеніи въ замокъ, приступилъ принцъ къ устроенію народа своего. И вновь отдавалъ онъ силу своего разума и остроту своей пытливости и жизни тихихъ землепашцевъ, и совершенствованію воиновъ, и возвеличенію рыцарей. Но больше всего возлюбилъ принцъ дѣла правосудія и безъ отказу принималъ тяжбы и злодѣянія къ своему сужденію, словно среди скорбей отторженныхъ и угнетенныхъ сердце его находило исходъ для собственной скорби въ ключахъ къ постиженію тайнъ и проникновенію

въ глубину сердецъ человѣческихъ. Велика была прозорливость принца, и не одна завѣса тайны пала передъ взорами его.

Когда же кончались заботы принца по устроенію народа, восходилъ онъ въ трапезную и съ друзьями своими обмѣнивался чаяніями и сужденіями или острымъ словомъ, а послѣ трапезы поднимался принцъ на башню и тамъ пребывалъ одинокій въ размышленіяхъ до наступленія глубокой ночи.

Стекались къ принцу, какъ и въ прежніе годы, и поэты, и танцовщицы, и слагатели пѣсенъ, но рѣдко услаждался онъ искусствами ихъ и тихое одиночество башни чтилъ болѣе шумнаго веселія трапезной. И когда, однажды, принцъ, покинувъ трапезу, собрался подняться на башню, обратились къ нему друзья его съ укоромъ грусти, что рѣдко даритъ бесѣдами своими, ради созерцанія свѣтилъ покидаетъ ихъ и тѣмъ отступается отъ нихъ. И возразилъ принцъ:

«Дорого мнѣ ваше дружество, друзья мои. Не ради созерцанія свѣтилъ оставляю я васъ и мыслями отъ васъ я не удаляюсь. Но, когда поднимаются при закатѣ испаренія земли, скрываются отъ нихъ люди въ жилища или поднимаются на высоту. Такъ и я скрываюсь отъ испареній земли».

— Но солнце еще не склонилось къ закату, — съ удивленіемъ возразили друзья его, — и принцу ли, съ крѣпостью жизненныхъ силъ его, боятся земныхъ испареній?

«Солнце еще далеко отъ заката, но близится закатъ жизни моей. Много вдохнулъ я и вдыхаю еще всяческой нечистоты земной, и требуетъ грудь моя очищенія и свѣжаго воздуха. Не вперяйте взоровъ, друзья, излишне въ землю: тамъ нѣтъ простора, но много нечистоты; не зовите меня внизъ къ себѣ, мыслями я вездѣ съ вами, но сами восходите за мною. На высотѣ широкіе долы доступны взору, и чистъ освѣжающій воздухъ. Тамъ взираю я вокругъ, и голоса мыслей моихъ, незаглушаемые крикомъ площадей и бормотаніемъ дряблыхъ языковъ, внятно мнѣ слышны. Тамъ, на высотѣ оберегаюсь я отъ злыхъ испареній земли».

И, такъ сказавъ, медленно поднялся на башню.

По возвращеніи принца изъ послѣдняго похода, крѣпко были замкнуты покои королевы, и, вѣрные просьбѣ принца, не обмолвились друзья его ни единымъ словомъ объ его возлюбленной.

И ни одна женщина не могла остановить на себѣ взоровъ его: всѣ были одинаково близки и, въ равной мѣрѣ, чужды ему. И рѣдко въ словахъ своихъ упоминалъ принцъ женщинъ и жаръ любовной страсти. Но однажды, проѣзжая на конѣ по владѣніямъ своимъ и узрѣвъ юницу, обрывавшую бѣлые лепестки желтаго полевого цвѣтка, обратился принцъ къ ней съ вопросомъ:

«Дитя, какую тайну повѣдала ты цвѣтку и какого отвѣта ждешь на вопросъ свой»?

— Тайну дѣвичьихъ грезъ открыла цвѣтку я, — отвѣчала юница: — о любви возлюбленнаго моего жду отъ него отвѣта.

«Дитя, если нѣтъ въ тебѣ крѣпкой вѣры въ крѣпкую вѣрность милаго твоего, не ищи разрѣшенія сомнѣній у полевыхъ цвѣтовъ: какъ незначущъ отвѣтъ ихъ, такъ же ничтожна любовь желаннаго твоего. Потому, не завязывай лучше того, что придется распутывать съ трудомъ и горечью».

И въ другой разъ, замѣтивъ добраго воина въ сосредоточенной задумчивости, освѣдомился принцъ о причинѣ ея, и тотъ повѣдалъ, что темнокудрая красавица селенія открылась ему въ любви своей и плѣнила его, потомъ же въ повторныхъ словахъ любви помянула она объ измѣнчивости женскаго сердца. И вотъ онъ въ раздумьи: случайны ли были ея послѣднія слова, а любовь ея вѣрна, или же вѣрны слова, но любовь случайна.

«Другъ», отвѣтствовалъ принцъ: «гдѣ могуча любовь — тамъ нѣтъ мѣста сомнѣніямъ, и гдѣ положено начало сомнѣніямъ — тамъ лежитъ предѣлъ любви. Забудь о любви возлюбленной твоей, иначе она поспѣшитъ совершить это. Памятуй: шелестъ иныхъ устъ о любви нимало не рознится отъ шелеста листьевъ въ непогоду: оба вылетаютъ на вѣтеръ».

Ни одинъ изъ друзей принца не упоминалъ имени королевы, ни однимъ словомъ не обмолвился о ней принцъ съ памятнаго вечера, когда открылъ онъ скорбное сердце свое, и казалось приближеннымъ принца, что обликъ королевы померкъ въ памяти его. Одно удивляло сокровенныхъ друзей его: единожды въ годъ въ расцвѣтѣ лѣта, когда полуденный зной смѣнялся вечерней прохладой, принцъ садился на коня и одинъ, безъ свиты, полнымъ ходомъ выѣзжалъ изъ замка, невѣдомо куда. На разсвѣтѣ возвращался онъ обратно медленнымъ шагомъ на усталомъ конѣ, лицо его носило печать скрываемой скорби, но уста не размыкались для отвѣта о мѣстѣ отлучекъ. А въ дѣвственномъ лѣсу единожды въ годъ въ расцвѣтѣ лѣта, когда первыя звѣзды робко роняли на землю свой первый мерцающій свѣтъ, къ перекрестку двухъ дорогъ быстро приближался на конѣ рыцарь, сходилъ на поворотѣ съ сѣдла и подолгу пребывалъ съ мыслями своими въ забвеніи всего міра.

Въ величавомъ покоѣ грезилъ дремучій лѣсъ, вѣковые дубы, помахивая вѣтвями, сумрачно разсказывали другъ другу грозныя легенды лѣса, нѣмыми свидѣтелями которыхъ они были; истомленные дневнымъ зноемъ шепотно шелестѣли травы и лѣсные цвѣты; низкая луна протягивала по вершинамъ деревъ лазоревыя нити, а подъ раскидистыми вѣтвями пребывалъ одинокій всадникъ, чуждый и шепотамъ листьевъ и чарамъ луны. Когда же близилось время разсвѣта, медленно садился онъ на коня и тихимъ шагомъ со склоненной головой пускался въ обратный путь...

И такъ шли годы.

Когда, однажды, принцъ, покинувъ по обычаю замокъ, прибылъ къ перекрестку двухъ дорогъ, отдѣлилась отъ темной чащи деревъ чья то женская тѣнь и направилась къ принцу. То была цыганка, вся увитая яркими лоскутами и звенящими украшеніями съ платкомъ на головѣ, скрывавшимъ ея лицо. И, приблизившись къ принцу, рѣзкимъ горловымъ голосомъ приняласъ цыганка сорить словами:

«Благородный всадникъ утомилъ коня, благородный воинъ даетъ коню отдыхъ... Пустъ отдыхаетъ конь, пустъ отдыхаетъ. Пока-же онъ бродитъ по лугу въ поискахъ корма, я открою всаднику судьбу его. Теченіе звѣздъ, и корни травъ, и извилистыя линіи ладоней рукъ, нѣмые для всадниковъ и рыцарей, внятны намъ, посвященнымъ въ тайны и заклинанія. Для тебя подниму завѣсу будущаго и любую тайну открою и о кровавыхъ битвахъ и объ измѣнчивомъ мерцаніи женскихъ глазъ»...

— Останови языкъ свой, — прервалъ принцъ немолчный трескъ цыганской рѣчи: — кто звалъ тебя съ непрошенными откровеніями? Не изъ устъ бродячей ворожеи постигать мнѣ судьбу свою. Безъ заклинаній и безъ корней травъ

провижу ее я. По желанію твоему, тебѣ открою судьбу твою. Иди, откуда пришла. Если же нужна тебѣ подачка, прими ее безъ лицедѣйства.

И вновь суетно заскрипѣла языкомъ цыганка:

«Благородный всадникъ слишкомъ гордъ. Зачѣмъ принижать свободную цыганку предложеніемъ милостыни. Дочь дикихъ лѣсовъ, искусствомъ чародѣйства и волшебства кормлю я себя и подачки не приму даже изъ рукъ принца. Пусть не гнѣвается всадникъ, вотъ открою я судьбу его и тогда онъ вознаградитъ меня».

И на этихъ словахъ отошла цыганка, вернулась чрезъ мгновеніе съ корнями травъ и, насыпавъ ихъ въ пробивавшійся родникъ, поодаль отъ принца приняласъ шептать свои заклинанія.

Принцъ же вновь ушелъ въ свои думы. Какъ дитя сыплетъ песокъ, засыпала цыганка тихими вкрадчивыми словами. И вновь шептались деревья, и вновь колдовала луна, какъ было то много лѣтъ назадъ, все было то-же и все по иному.

Но принцъ далекій отъ лѣса, ворожеи и чародѣйства не внималъ ея лепету, когда внезапно странный смыслъ ея скачущихъ словъ принудилъ насторожиться слухъ его.

«Какъ твое сердце еще не забыло ея, такъ и ея — хранитъ твой образъ. Ибо ты постигъ искусство, которому нѣтъ и не будетъ учителей, тонкое искусство любви. Одинъ ты умѣлъ касаться бережно и нѣжно самыхъ завѣтныхъ женскихъ струнъ, и лишь ты одинъ по отдаленному звуку ихъ улавливалъ всѣ переливы напѣва. Склонись же, примирись и верни прошлое счастье ради его же самого».

И, вставъ, подошелъ принцъ вплотную къ цыганкѣ. Подъ вѣтвями деревъ ворожила она, повернувъ лицо прочь отъ луны. И вперилъ принцъ взоръ свой въ глаза цыганки, но покровъ ночи не давалъ различить глаза ея.

— Ворожея ты, а худо постигаешь жизнь сердецъ, ибо не вѣдомо тебѣ, что ушедшему счастью не возвращаться обратно, какъ упавшей звѣздѣ не сіять вновь на небосклонѣ. Есть растеніе одно, на берегахъ полуденныхъ морей произрастаетъ оно. Крѣпки листья его и мощна его сила. Но долгіе годы растетъ оно безъ цвѣтенія и распускается пышнымъ цвѣтомъ однажды въ жизнь свою, для него накопляя всѣ свои соки. И, когда осыплется цвѣтокъ, не расцвѣсти ему вновь никогда... Такъ и съ иными сердцами: однажды въ жизнь распускаются они цвѣтомъ любви, отдавъ ей всѣ свои помыслы, чувства и силы. И, если небрежныя руки разметутъ лепестки ея, не возродится ей до конца.

И горячливо заговорила цыганка:

«До сего времени заблуждаешься ты! Когда слова вѣрности и любви неслись къ тебѣ, исходили они изъ чистыхъ устъ. Но и въ спокойныхъ моряхъ

проносятся губительные вихри. Отъ нежданной бури какое упасется сердце? Не было обмана въ словахъ, обращенныхъ къ тебѣ. Во имя справедливости долженъ ты признать заблужденіе свое, сложить гнѣвъ свой и протянуть для примиренія руку свою»!..

И усмѣшкой подернулись губы принца:

— Подлинно, во многія тайны посвящена ты, но не во всѣ. Пусть справедливо, что, по словамъ твоимъ, повѣдали тебѣ травы. О какомъ гнѣвѣ проричаешь ты? Гнѣва не знаетъ сердце рыцаря. Будь у меня возлюбленная, осквернившая себя ложью, ложью клятвъ или умолчанья, и тѣмъ отвергшаяся отъ меня, ея бы скорбью болѣло сердце мое и ея радостью ликовало бъ оно, ибо я любилъ ее. Но уже никогда вновь мнѣ не назвать ее — своей. Пусть безпорочна ея красота! Ужасъ и боль вселяло бы въ меня ея гордое, безупречной красы, ея великолѣпное лицо. И я славилъ бы судьбу, скрывшую отъ меня это лицо временемъ, далью или тканями.

И, не добавивъ болѣе ни слова, сѣлъ принцъ на коня и направился къ замку. А изъ небесной ризы синія очи звѣздъ кротко взирали на него, слали ему свои улыбки и туманились зыбкою грустью.

А, по прибытіи въ замокъ, принцъ въ кубкѣ съ пѣнистымъ виномъ искалъ забвенья ночи.

И вновь шли годы.

А въ теченіе ихъ королева продолжала игру своего сердца, когда великое смятеніе охватило внезапно народъ ея. Пришедшій съ Востока моръ, еще невиданной силы, поразилъ страну ея.

Смерть, извиваясь змѣей, скользила по владѣніямъ ея, проникала въ каждое жилище и хижину и, какъ вѣрную добычу, собирала свою жестокую дань. Предъ поражающей властью ея никли всѣ человѣческія знанія и усилія, а смерть въ бѣшеной пляскѣ своей невидимо носилась и сотнями считала жертвы свои. И трупное дыханіе ея коснулось прекраснаго чела королевы.

Въ глубокомъ смущеніи проводили дни и ночи придворные врачи ея, подбирая травы и сочетая цѣлебные настои. Но грядущій смертный жребій ея скоро предсталъ предъ взорами врачей.

Смятеніе и скорбь больше прежняго разлились по странѣ ея.

А во владѣніяхъ принца уже измышлялись мѣры обороны отъ страшнаго недуга.

И созвалъ своихъ старѣйшинъ и друзей принцъ и во дворѣ замка своего давалъ приказанія для сбереженія народа своего. И повелѣлъ принцъ поставить стражей на смежныхъ съ пораженными владѣніями границахъ и закрыть всякое общеніе съ жителями страны королевы, чтобы ни одинъ подвластный ему не

преступалъ ея владѣній. И едва принцъ досказалъ послѣднее повелѣніе, на заморенномъ конѣ внесся во дворъ замка покрытый пылью гонецъ и, соскочивъ съ сѣдла, донесъ, что приказала королева извѣстить принца о послѣднихъ мгновеніяхъ жизни ея.

«Королева проситъ о прибытіи моемъ»? спросилъ принцъ.

— Королева повелѣла увѣдомить, что чуетъ она близость смерти своей. Болѣе ни слова не добавила она.

И, переведя духъ, обратился принцъ:

«Пришествіе смертнаго часа когда ожидаютъ врачи?»

— Къ первымъ вечернимъ звѣздамъ, — отвѣчалъ гонецъ.

«Есть еще срокъ для пути», промолвилъ принцъ и, обратясь къ конюшему, приказалъ:

«Коня»!

Тщетно молили его друзья не искушать судьбы, тщетно взывали они къ высокому долгу его предъ страной и народомъ.

Непреклоненъ остался принцъ и, сжимая руки друзей своихъ, только промолвилъ:

«Вѣдомы вамъ чаянія и помыслы мои. Ими направляйтесь вы во всѣхъ своихъ путяхъ».

И, едва былъ засѣданъ конь, принцъ покинулъ замокъ.

А на закатѣ, роняя хлопья пѣны, измученный конь вносилъ принца въ ворота королевскаго замка. Жалостливо взглянулъ конюшій королевы на коня, принимая поводья:

«Не носить тебѣ на спинѣ своей твоего владыки»...

Принцъ же входилъ въ опочивальню королевы. Послѣдній лучъ заката соскользнулъ съ окна. Властвующей предмогильной тишиной былъ охваченъ принцъ. Чьи то тѣни безшумно скользили въ сумеркахъ опочивальни, едва открывались для короткихъ шелестящихъ словъ и тутъ же смыкались чьи-то скорбныя уста, а изъ-за высокаго полога, наполовину скрывавшаго ложе королевы, прерывистый, клокочущій хрипъ разносился по всему покою.

И знакомъ руки всѣхъ удалилъ принцъ и, подойдя къ пологу, раздвинулъ его и взглянулъ на ложе. Страшную работу недуга увидѣлъ принцъ.

Черныя крылья смерти рѣяли надъ королевой. Властныя и неотвратимыя они витали повсюду, склонялись и скользили по ней холодными, леденящими прикосновеніями. Они захлестнули волну жизни королевы и смрадными вѣяніями душили дыханіе ея. А незримые когти смерти вцѣпились въ прекрасное тѣло ея и связали члены ея въ безсильныхъ, застывшихъ движеніяхъ. Смерть сковала языкъ королевы и мутныя пятна выжгла на недавно цвѣтущихъ ланитахъ ея.

И, опустившись на край ложа, въ нѣмомъ оцѣпенѣніи созерцалъ принцъ сомкнутыя вѣки, остро-выступившій носъ, синеву раскрытыхъ губъ и кудри волосъ королевы, разметавшіеся по снѣгу изголовья. И только тяжкій хрипъ, какъ клокотаніе воды, силящейся прорваться наружу, давалъ единое увѣреніе въ жизни ея.

Но вотъ раскрыла королева очи свои, двѣ голубыхъ въ черныхъ каймахъ звѣзды съ слабымъ тлѣніемъ жизни на днѣ ихъ. И едва эти потухавшія звѣзды различили обликъ принца, вся минувшая любовь предстала передъ ними. Здѣсь, за мгновеніе до смерти, вспомнила королева зорю утреннюю любви и зорю вечернюю, встрѣчу первую и встрѣчу послѣднюю, и лишь здѣсь, за мгновеніе до смерти, уразумѣла она всю бездну страданій принца, всю легковѣйность своей любви.

Чувства неиспытанныя и ощущенія неизвѣданныя охватили ее. Раскрылись очи ея и узрѣли подлинный свѣтъ.

И страшнымъ усиліемъ воли пыталась королева повѣдать принцу озарившія ея чувства и прошептать ему свои послѣднія слова скорби, ласки и прощанія.

Но спутанный языкъ не повиновался. И лишь беззвучно сомкнулись и открылись вновь ея безмолвныя уста.

И двѣ слезы, двѣ бѣлыхъ чайки выскользнули изъ голубого лона очей ея и тяжело повисли на иглахъ рѣсницъ.

Но и безъ словъ все было внятно принцу. И, протянувъ руку, бережно провелъ онъ ею по кудрямъ возлюбленной, медленно склонилъ къ ней лицо свое и поцѣловалъ ее въ самыя уста поцѣлуемъ любви, попирающей смерть, ибо сильнѣе смерти любовь, очи ея — очи вѣчности.

А простертая рука принца съ выжженнымъ гербомъ его, забытая на шеѣ королевы, скрывала единственное темное пятно ея чистой красоты.

И сіяніемъ новой невѣданной ранѣе любви освѣтилось лицо королевы. Кроткой лаской затеплились глаза ея и подобіе улыбки изобразили ея уста. А изъ глазъ ея катились слезы умиротворенности и свѣтлой грусти.

Послѣдними усиліями послѣднихъ силъ протянула королева руку свою и, уловивъ руку принца, слабѣвшими пальцами сжала ее.

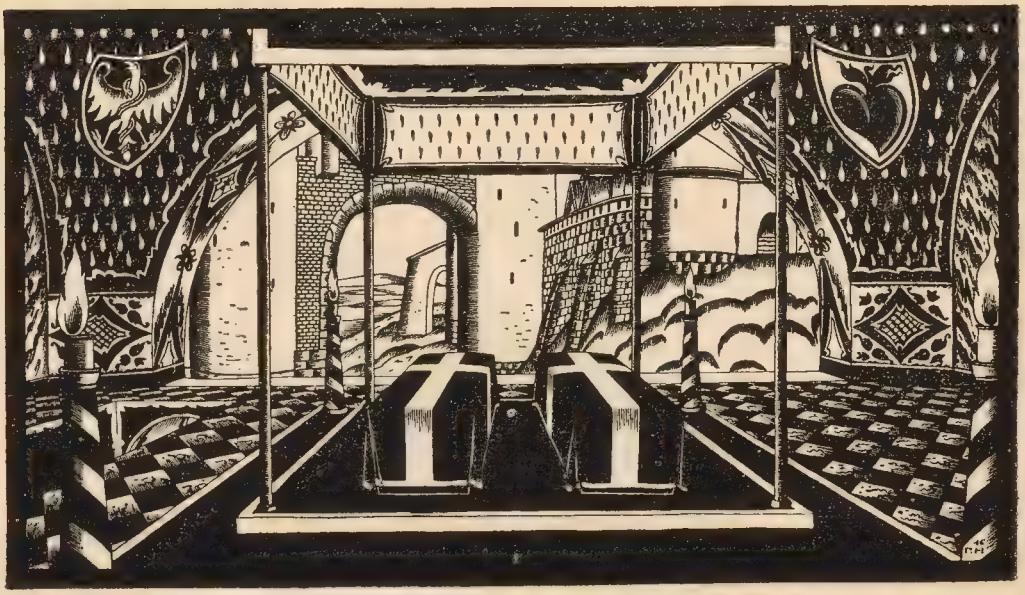
Еще разъ глубоко вздохнула королева, величавое спокойствіе изобразило ея чело и духъ жизни покинулъ ее.

Принцъ же въ бездонномъ взглядѣ не отрывалъ глазъ отъ возлюбленной своей, запечатлѣвалъ во взорѣ мраморъ чертъ ея чела и своею рукой сжималъ остывавшую руку королевы, покуда покой не утонулъ во мракѣ.

Такъ въ послѣднемъ пожатіи рукъ уже навсегда сочетала смерть мятежное сердце королевы съ источеннымъ скорбью сердцемъ принца, ибо вѣнчаніе смерти — вѣнчаніе вѣчное.

И въ то же мгновеніе уронила звѣздная риза двѣ голубыхъ слезы, и тѣ прорѣзали смежными яркими чертами сумракъ неба и утонули въ безконечности...

Вѣщимъ оказалось слово конюшаго: не довелось болѣе принцу сѣсть на боевого коня.



ыстротечна жизнь, и все подвластно во времени гибели и забвенію.

И могущественные народы, и гордыя нѣкогда имена, и творенія искусства, и плоды познанія стираются и гибнутъ въ цѣпи вѣковъ. И могучія мысли, правившія въ длительности лѣтъ волею народовъ, какъ осенніе листья никнутъ и падаютъ въ сознаніи грядущихъ поколѣній.

И сама животворящая, вѣчно юная природа покорна власти временъ, ибо изсыхаютъ широкошумныя моря, и волнами заливаются безграничныя пространства суши. Быстротекуча жизнь и нѣтъ въ ней ничего, что бы носило печать вѣчности.

Но, доколѣ живо на землѣ дыханіе одного человѣка, общаго плѣна забвенія избѣжитъ свѣтлая легенда древнихъ вѣковъ, сокровенное чаяніе вѣковъ грядущихъ, единая побѣдная, всеискупляющая и нетлѣнная пѣснь эдема — любовь.

Петроградъ. Дозволено военною цензурою 29 іюня 1916 г.

Маг. 23
20 р.
3916 VIII В

Цѣна 3 руб. 80 коп.